

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск II

Лекции по военной истории XVI-XIX вв.

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург

2015

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. — Ч. II. [Электронный ресурс] <<http://www.milhist.info/lecture>>

© www.milhist.info

© Филлюшкин А.И.

MILHIST

INFO

Филюшкин А.И. Окончание Ливонской войны 1558-1583 гг.:

«Московская война» (1579-1582)

Предлагаемая лекция хронологически продолжает предшествующую работу "Русско-литовская война 1561–1570 гг. и датско-шведская война 1563–1570 гг." Подробно рассмотрены крупнейшие события 1570-1580-х гг, такие как поход Ивана Грозного в Прибалтику 1577 г., "Баториева война" и русско-шведский конфликт, завершивший балтийские войны XVI столетия.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/04/21/filychkin_2

Ссылка для печатных изданий:

Филюшкин А.И. Окончание Ливонской войны 1558-1583 гг.: «Московская война» (1579-1582) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. - 2015. - Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. — Ч. II. – С. 292-398 <http://www.milhist.info/2015/04/21/filychkin_2> (21.04.2015)

www.milhist.info

2015

А. И. Филюшкин

ОКОНЧАНИЕ
ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ
1558–1583 гг.

«МОСКОВСКАЯ ВОЙНА»
1579–1582 гг.

В основу лекции положены исследования,
выполненные по гранту РГНФ № 11-01-00462/а

Предистория конфликта. Действующие лица

В 1572 г. умер польский король Сигизмунд II Август. С его смертью пресеклась династия Ягеллонов, правившая Великим княжеством Литовским и Королевством Польским с 1385 г. В 1572–1576 гг. в Речи Посполитой были так называемые Первое и Второе бескоролья, в ходе которых за престол боролись представители различных династий — российских Рюриковичей, французских Валуа, австрийских Габсбургов и т.д. После кратковременного правления французского принца Генриха III, который в 1574 г. бросил польский трон и бежал во Францию, чтобы надеть французскую корону, победу в борьбе за власть в Речи Посполитой одержал выходец из венгерского дворянства семиградский (трансильванский) князь Стефан Баторий. Этому человеку было суждено резко изменить внешнюю политику Речи Посполитой и переломить ход войны с Россией.

Иван Грозный, который вместе со своим сыном Федором Ивановичем, имевшим репутацию недееспособного правителя, пытался участвовать в элекционной кампании, не сразу осознал, что он ее проиграл, и его обошел какой-то венгерский князек. Он долгое время считал Батория не польским королем, а недоразумением на троне.

Вавельский собор в Кракове
Усыпальница польских королей
Фото А. И. Филюшкина

Портрет короля и великого князя Стефана Батория

Неизвестный художник. Холст, масло, 1576 г.

Львовская национальная галерея искусств

Очень показательное поведение русских посольских служб при приеме в Москве первого посольства от Батория в сентябре — октябре 1576 г. С просьбой об его отправке Баторий обратился 12 июля 1576 г. Послам поручалось сообщить о восшествии на престол Стефана

в результате его «*обирания*» (избрания). На него переходил титул королей польских и великих князей литовских. Стефан, претендуя на статус, аналогичный представителям династии Ягеллонов, обращаясь к Ивану IV «*брат*», то есть считал себя равней русскому царю!

Давно литовские дипломаты не подвергались столь пристальному вниманию русских разведывательных служб: необходимо было в срочном порядке собрать информацию, сильно ли при Батории изменилась польско-литовская политика. Приставы, сопровождавшие послов Юрия Городенского, Льва Буховицкого, Ивана Гоголя специально затягивали путь из Смоленска к столице, чтобы за долгую дорогу «*вывесть накрепко*», каковы полномочия послов, кто такой Баторий и в чем будет заключаться его внешнеполитический курс. Донесение о том, что удалось узнать, было отправлено в Москву 9 сентября — почти за месяц до приезда послов в конечный пункт назначения.

Городенский со спутниками приехал в русскую столицу 17 октября, но переговоры начались только 30 октября — еще две недели на подворье под видом заботливых приставов послов обхаживала разведка. Прием литовской делегации Иван IV поручил своей Ближней думе: боярам И. Ф. Мстиславскому, И. Ю. Голицыну, С. Д. Пронскому, П. В. Морозову, И. В. Шереметеву Меньшому, окольному Ф. В. Шереметеву, дьякам А. Я. и В. Я. Щелкаловым. Это было вызвано тем, что русский царь еще не определился, достойно ли для него вести переговоры с «*семиградским воеводишкой*». Поэтому государь решил заранее дистанцироваться и поручить переговоры знати, дабы ненароком не уронить своего статуса.

Бояре с самого начала стали задавать неприятные для литовской стороны вопросы: какого рода Стефан Баторий, в каких отношениях он с «*великими государями*», считают ли они его равней, «*братом*», каковы отношения нового польского короля с Турцией. Обстановка сразу же накалилась: послы категорически отказались обсуждать данные темы. Они начали настаивать на аудиенции с Иваном IV, утверждая, что только ему могут дать разъяснения по всем пунктам.

4 ноября 1576 г. литовская делегация была принята Грозным. Ему вручили грамоту от Батория от 20 июля 1576 г., предназначенную для царя. Тон ее в целом был весьма уважительный. Почти полностью воспроизводился титул московского государя (естественно, без слова

«царь», без Полоцка и Ливонии). Польский правитель именовал московского *«братом нашим»*. В послании содержались традиционные пассажи о необходимости мира, урегулирования пограничных конфликтов, призывы к радению за христианство и присылке *«больших»* послов.

Значительный интерес вызывает та часть послания и инструкций литовским послам, где рассказывалось о правах Батория на престол. Стефан утверждал, что стал королем *«Божией милостью»*, но при этом упоминал свою победу на *«элекции»*, оказанную ему массовую поддержку панов, свою официальную коронацию в столичном городе Кракове (Грозному, видимо, было особо «приятно» все это слышать).

Стефан предлагал царю мир во имя покоя и процветания *«всего христианства»*. Однако условия были достаточно жесткие. Вечный мир был возможен только при возврате всех земель, захваченных Россией у Великого княжества Литовского, и Ливонии, *«которая есть одним члонком Речи Посполитое и того сполного тела»*. Одновременно должен быть заключен мир со Швецией. Если же возврат не состоится, то послам предписывалось заключить перемирие, урегулировав *«по листу»* спорные пограничные вопросы с помощью съездов на границах (в основном это касалось русско-литовского пограничья). На время перемирия в Ливонии должен был действовать принцип *«кто чем владеет»*. Предполагался обмен пленными. Послам предписывалось ни в коем случае не признавать царского титула, а также титулов «Смоленский», «Полоцкий», «Лифляндский». Однако дипломаты должны были упорно добиваться *«братского титула»* для Батория, поскольку только признание *«братства»* может гарантировать *«покой христианом»*.

Иван Грозный ответил на это довольно миролюбивое заявление Батория неоправданно резко. Он усмотрел в послании польского короля оскорбление, и потребовал, чтобы Стефан *«послов своих послал и почесть учинил государю, что пригоже»*. Было заявлено, что Стефан *«учинился государем»* неправильно, поскольку он не прирожденный монарх, а всего лишь семиградский князь, еще недавно бывший поданным венгерского короля.

Царя особенно задело обращение «брат». Он гневно указал, что это *«непопригоже»*, потому что такое право имеют только прирожденные короли: кесарь, султан, французский король. А Баторий кто — воевода!

Чем же он отличается от других знатных литовских родов — Острожских, Слуцких, Мстиславских, Трубецких?

Таким образом, отношения русского царя с новым правителем Речи Посполитой изначально оказались конфронтационными. Посольство уехало ни с чем. Впрочем, другого результата и быть не могло — происхождение монарха в XVI в. значило слишком много, а род Батория по сравнению с Рюриковичами в самом деле был малозначимым. Кроме того, царь Иван явно рассчитывал на политические сложности, которые сопровождали приход к власти Батория (его не приняла часть шляхты, вскоре против него восстанет город Гданьск). И надеялся, что жесткий тон сделает поляков посговорчивей. Время показало, что именно в 1576 г. была совершена принципиальная ошибка. Если бы Россия договаривалась с Польшей в более мягком и конструктивном тоне, возможно, удалось бы добиться мира раньше и на более выгодных условиях. Но грозный царь предпочел нагнетание противостояния.

«Вся Ливония под копытами моего коня»: русский поход в Прибалтику 1577 г.

1577 год заканчивался зловеще. Над Европой висела комета, предвещавшая гибель государств, мор, эпидемии, голод, нашествие иноплеменных и прочие бедствия. Глядя на нее, современники размышляли о превратностях прошедшего года. Для Речи Посполитой это был год потерь и потрясений. Русские войска прошли победоносным походом по Ливонии, царь Иван торжествовал. Ни Литва, ни Польша не смогли ничем помочь своей новой провинции: у Литвы не хватало сил, ей бы отстоять свои границы, а в Польше полыхал мятеж. Город Гданьск восстал против Стефана Батория, не желая признавать «семиградского выскочку». Король усмирлял внутреннюю оппозицию, ему было не до Ливонии.

Придя к власти, несмотря на множество проблем, Баторий беспокоился о защите ливонских городов. Уже в августе 1576 г. были выделены деньги на укрепление обороноспособности Динамюнде, Мариенгаузена, Розиттена, Лудзена, Лемзаля. Однако суммы были невеликими, и принципиально изменить уровень обороноспособности Ливонии не могли. Основную массу воинов в гарнизонах составляли выходцы из Великого княжества Литовского, не отличавшиеся серьезной боевой подготовкой. Поляки были куда лучшими солдатами, но их в Ливонии

Оберпален

Здесь находилась резиденция «ливонского короля» Магнуса
Фото А.И. Филюшкина

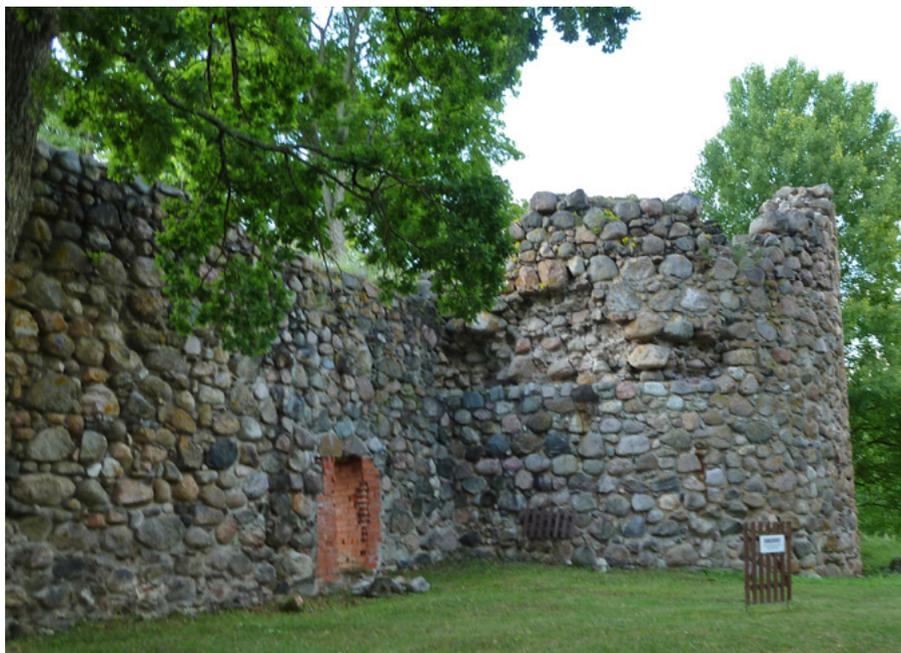
было мало. К тому же и русских, и поляков, и литовцев местные жители воспринимали как оккупантов, не делая между ними особого различия. С большей теплотой они относились к датчанам и шведам, как братьям по протестантской вере.

В феврале и апреле 1577 г. на двух заседаниях Боярской думы было принято решение нанести по польско-литовской Прибалтике решающий удар. Поход возглавил сам царь. 8 июня Иван IV выступил из Новгорода и 15 июня прибыл в Псков. Немедленному вторжению помешали неожиданно возникшие проблемы с союзниками, в частности, с датским герцогом Магнусом. Дания была недовольна политикой Москвы, считая, что Россия — плохой партнер, от которого мало толку. Иван Грозный, в свою очередь, видел в Магнусе своего подданного — «голдовника» (таким термином царь обозначал «вассала»), и не видел необходимости с ним считаться. Герцога вызвали в Псков на своеобразное судилище, где ему с трудом, но удалось оправдаться.

На самом деле оправдываться было в чем — в Москве были недовольны действиями Магнуса в Ливонии. К тому же Магнус в 1576 г. вступил в переговоры с литовским «администратором Ливонии» Григорием Ходкевичем. Литва пыталась внести раскол в русско-датский союз, и это ей удалось. Во Пскове незадачливого «короля» заставили подписать соглашение, сильно урезающее датские владения в Ливонии. Теперь их центром становился г. Венден (Кесь), и они простирались к северу от р. Аа на довольно незначительную территорию. Магнус чувствовал себя униженным и обделенным — чрезмерное давление на него, несомненно, было ошибкой русского правительства: Иван Грозный буквально толкнул герцога в объятия своих врагов, Польши и Литвы. Они же не упустили своего шанса.

Но измена Магнуса случится еще через год. Пока же датские наемные полки и русские отряды шли по Ливонии вместе. 9 июля 1577 г. из Новгорода двинулся полк Т. Р. Трубецкого, который через некоторое время, пройдя через Ливонию, вышел на берег Западной Двины у г. Кройцбурга. Тем самым был обозначен желаемый рубеж русского продвижения в Ливонии. Царь понимал, что на захват Курляндии, находившейся за Двиной, у него вряд ли хватит сил. А вот на Эстонию и Лифляндию — наверняка. Проблему «крепких орешков» — Ревеля и Риги — можно было решить по ходу дела. Не удастся взять — блокировать. 13 июля на Ливонию двинулась 30-тысячная рать во главе с самим государем и его сыном Иваном. Вместе с ней шли татарские отряды Симеона Бекбулатовича. Одновременно с севера в литовскую зону оккупации Ливонии вторглись полки Магнуса.

Представитель Речи Посполитой в Ливонии Григорий Ходкевич располагал всего четырехтысячным войском. Поэтому все, что он мог сделать — отступить. От Стефана, занятого осадой мятежного Гданьска, никакой помощи не поступало. Гарнизоны ливонских крепостей насчитывали от нескольких десятков до, в лучшем случае, нескольких сотен воинов. Было очевидно, что они не выдержат ни осад, ни штурмов. Так и вышло: крепости открывали ворота одна за другой, предпочитая плен неизбежной гибели в случае сражения. 16 июля сдался Мариенгаузен, который обороняло всего... 25 человек. 24 июля, увидев под стенами вверенной ему крепости московские войска, комендант г. Лудзена заявил о своем горячем желании немедленно перейти

Мариенгаузен

Фото А. И. Филюшкина

на русскую службу, и приказал открыть ворота. 27 июля пала крепость Розиттен, 9 августа — Динабург. Их гарнизоны были «милостиво» приняты Иваном IV на службу.

8 августа 1577 г. комендант Вольмара Александр Полубенский сообщил в Речь Посполитую о военной катастрофе в Ливонии: замки оказались не готовы к обороне, гарнизонов не хватало, сами ливонцы и отряды курляндского герцога Кетлера воевали плохо. Без помощи королевской армии Ливония падет, как пал в свое время Полоцк. Помощи не последовало. 12 августа сам царь прибыл на берег Западной Двины. Здесь были взяты Кройцбург и Лаудон. 20 августа сдался Зессвеген, 21 — Шваненбург, 22 — Берзон.

Успехи русско-датских войск в Прибалтике имели и свою оборотную сторону. Поняв неизбежность завоевания, осознав, что Польша и Литва бросили их на произвол судьбы, ливонцы были вынуждены выбирать между русским и датским владычеством. Естественно, выбор делался в пользу Дании: датчане протестанты, братья по вере, более

Кройцбург

Гравюра с рисунка XIX в.

близки по культуре и жизненному укладу. Да и репутация Магнуса была не столь кровавой, как у Ивана IV. В результате в конце августа под Кокенгаузеном Ивана IV ждал сюрприз. Он получил известие, что часть ливонских городов, в частности, Венден и Кокенгаузен, присягнули Магнусу и перешли в его подданство. Герцог прислал грамоту, в которой сообщал, что именно он и его доблестные войска взяли 18 ливонских городов. Они вошли в Ливонское королевство, подвластное датскому принцу.

То, что Магнус фактически взбунтовался, было полбеды. Не удивляла и позиция ливонцев, которые предпочитали власть датчан, а не русских. Но более всего царь был оскорблен тем, что герцог у него украд победу: получалось, что успехами русского оружия в Ливонии воспользовалась Дания. Грозный написал Магнусу крайне резкое послание, в котором требовал выполнения Псковского соглашения 1577 г. В противном случае датчанин может убраться — либо на о. Эзель, принадлежавший датской короне, либо — за море, в Копенгаген.

Вольмар

Фото А. И. Филюшкина

Жертвами доверия к Магнусу стали присягнувшие ему жители ливонских городов. Отряд окольного П. И. Татова взял Кокенгаузен и устроил там резню в наказание «за измену» в пользу датского герцога. 1 сентября та же участь постигла Вольмар, взятый Б. Я. Бельским и Д. И. Черемисиновым. 5 сентября пал Венден, в котором также прошли массовые казни. Современник событий Рейнгольд Гейденштейн так описывал взятие Вендена и соседнего Ашерадена:

«В Ашерадене собралось огромное множество людей обоего пола и всякого сословия, в особенности же много женщин и девиц; там же находился ландмаршал, человек почтенный и по летам и по тем высшим должностям, которые некогда он занимал. Московский князь, перебив без разбора всех, способных носить оружие, не воинственный пол, женщин и девиц, отдал Татарам на поругание; затем прямо отправился в Венден. Находившиеся там жители, перепуганные слухом о таком жестоком поступке Московского князя, заперли ворота. Магнус, вышедший за них просителем с униженным видом

Кокенгаузен

Фото А. И. Филюшкина

и умолявший на коленях о помиловании, ползая у его ног, был обруган князем, который даже ударил его в лицо. Убедившись, что влияние Магнуса нисколько не может послужить к их спасению, так как даже ему самому угрожает опасность, и видя себя со всех сторон окруженными и обманутыми вероломным неприятелем, жители под влиянием гнева, страха и отчаяния подложили под здания порох, и от этого взрыва погибло огромное множество людей обоего пола, всякого возраста и сословия, и почти весь цвет знати ливонской, сколько ее еще оставалось до сих пор».

10 сентября пал Трикатен. Всего под властью Ивана IV оказалось более 20 ливонских городов. Царь контролировал почти всю Лифляндию севернее Западной Двины и большую часть Эстляндии (за исключением Риги, Ревеля, шведских и датских владений). Таким образом, цели похода 1577 г. были достигнуты.

Литовские паны опасались, что Иван IV не остановится и пойдет через Ливонию дальше на Литву. Миколай Радзивилл с тревогой писал

Яну Ходкевичу, что война приблизилась к Рокишкам, пограничному пункту великого княжества с Курляндией. Литовцы вывели в данный район войска под командованием Миколая Криштофа Радзивилла, Юрия Остиковича, Миколая Дорогостайского и Миколая Талваша. Правда, их было мало, и в случае перехода москвитями Двины можно было, по словам командовавшего войсками М. К. Радзивилла, надеяться только на Бога. Однако Иван ограничился взятием Ливонии. Литва в 1577 г. его не интересовала.

1577 год мог бы стать переломным в войне. Русское наступление в Ливонии достигло в нем наивысшей точки. До 1577 г. Ливонская война несомненно развивалась для России как победная, успешная. После этого начался закат. За победами 1577 г. последовали военные катастрофы 1579–1581 гг.

Между миром и войной: Дипломатическая борьба в 1578–1579 гг.

26 августа 1577 г., во время боев в Ливонии у г. Кокенгаузена Иван Грозный получил от князя М. Путятина известие, что в Россию направляется большая дипломатическая миссия под руководством Станислава Крыского, Миколая Сапеги и Федора Скумина Тышкевича. Царь не хотел прерывать боевых действий, к тому же развивавшихся довольно успешно. 28 августа 1577 г. Грозный отправил Крыскому грамоту. В ней он предъявлял претензию, что уже в грамоте, извещающей о прибытии послов, неправильно написан царский титул. Поэтому успех миссии Крыского заведомо сомнителен. Литовским гонцам было велено идти к Смоленску. Царь отказался их принимать в Ливонии, на театре военных действий.

Полтора месяца Крыский с товарищами сидели в Орше, не решаясь перейти русскую границу и ожидая хоть каких-то шагов со стороны Грозного. Царь же увлеченно воевал в Ливонии. Только после нескольких военных и дипломатических неудач, последовавших осенью 1577 г., царь вспомнил о посольстве.

В ноябре литовские войска взяли Динабург и Венден. Гейденштейн так описывал их взятие: *«В это время возвращен был под власть короля Динабург, взятый обратно Борисом Савою и Вильгельмом Платером. Эти бдительные военачальники, внимательные ко всяким*

обстоятельствам, заметив, что московский гарнизон страдает от недостатка съестных припасов, под видом дружбы и доброй военной приязни, послали туда несколько яств и питья, и в том числе бочку с водкой, — которую особенно любят Москвитяне, по причине недостатка в настоящем вине. Когда Москвитяне напились до пьяна, те заранее это предусмотрев, ночью приставили лестницы, взбежали на валы, которыми только была окружена крепость, и проникли в самую крепость, выгнали оттуда едва успевших опомниться от сна и опьянения Москвитян и овладели таким образом ею. Немного времени спустя затем и Венден был возвращен таким же образом. Под начальством Матвея Дембинского находился какой то плотник Латыши, сестра которого находилась во власти Москвитян; пользуясь предоставленною крестьянам свободою сношений, он часто приходил в Венден под предлогом свидания с нею. Раз улучив удобное время, он сделал восковой отпечаток городских ключей, и, приготовив по этому образцу другие, доставил их Дембинскому. В назначенный день, который Москвитяне праздновали у ворот города, Дембинский, подошел со своим наскоро собранным отрядом, и когда с одной стороны были приставлены лестницы, а с другой сбежались Латыши, находившиеся в Вендене, то один из них отворив ворота, впустил Поляков».

Поэтому в 1578 г. Грозный решил принять посольство Крыского и заключить новое русско-литовское перемирие. От переговоров зависела дальнейшая судьба России в разворачивающейся новой войне. К этому времени Стефан добился стабилизации внутри Речи Посполитой, и теперь ему предстояло определить свой внешнеполитический курс. Будет ли он столь же активно вмешиваться в ливонский вопрос, как последний Ягеллон Сигизмунд? На каких принципах новых польский король будет строить взаимоотношения со своим восточным соседом? Наконец, смогут ли московские дипломаты найти общий язык со своими польско-литовскими коллегами, или опять начнется поединок амбиций?

Москва очень серьезно готовилась к приему посольства Крыского. Были приняты, если говорить современным языком, «беспрецедентные меры безопасности»: на улицах столицы от разбойников установлены многочисленные караулы, а детям боярским строго-настрого наказано в эти дни «не быть пьяну». Нарушителей служебного долга

Орша

Холм на месте городского замка
Фото А. И. Филюшкина

было велено отдавать дьяку А. Щелкалову, в распоряжении которого находился особый штат кнутобойцев для расправы над нерадивыми подданными.

1 января 1578 г. огромное литовское посольство — 470 человек на 528 лошадях — выступило из Орши. Его возглавляли Станислав Крыский, Тимофей Казарин, Федор Скумин Тишкевич, Ян Златковский, Адам Ромоцкий, Павел Красовский, Миколай Сапега, Станислав Дерновский и др. Переговоры начались сразу же по прибытии послов в Москву, 16 января.

Сложности возникли сразу же, уже в ритуальной части приема делегации. Грозный встретил гостей очень торжественно, в царском платье, русской шубе, диадеме и царской шапке. Вместе с ним был сын, царевич Иван. С ним и связан первый неприятный момент: после обмена традиционными вопросами о здоровье государей и передаче

поклона Грозный позвал послов «к руке», а царевич демонстративно не стал этого делать, потому что *«ему от Стефана поклона передано не было»*. Дипломаты же отказались объявить, какие у них с собой наказы и документы, а только передали список посольства и верительные грамоты, датированные еще 10 марта 1577 г., то есть почти годичной давности!

Первые заявления сторон также не предвещали легких дебатов. Литовцы перечислили *«вины»* царя Ивана: война в Ливонии, *«шкоды на границах»*, русский великий князь отказывается звать польского короля своим братом и т.д. В ответ на попытку литовцев сделать комплимент, что русский царь — *«не последний»* среди европейских правителей, бояре резко ответили: Иван — не то что *«не последний»*, он *«набольший во вселенной»*, выше его никого в мире нет: *«Везде Божиим милосердием первые есмь в государех»*.

А вот Стефан Баторий по сравнению с русским монархом выглядит очень невыгодно. Он худороден, у него сомнительные связи с турками, он избран на королевство не по воле Бога, но *«мятежным человеческим хотением»*. Поэтому Стефан не может претендовать на равный с Грозным статус — *«братство»*. Он может всего лишь считаться *«соседом»*. Польский король должен помнить о собственной ничтожности, и поэтому благодарно принимать любую волю Ивана IV. Грозному *«непригоже»* даже иметь дело со Стефаном, не по чину, но русский царь готов сделать над собой усилие и ради покоя христиан пойти на переговоры.

Дипломаты пытались как-то возразить на такие *«корителные слова»*. Они сказали, что Баторий *«всему христианству добр»*, лично воевал за праведную веру с мусульманами, его *«храбрые прародители»* широко известны с лучших сторон. Король вовсе не самозванец, вступил на престол *«от самого всемогущего Бога за волным поданьем всех народов»*. Впрочем, послы довольно быстро поняли, что их доводы просто не слушают.

Надо отдать должное Станиславу Крыскому. Он занял сугубо практическую позицию. Он заявил, что принципиальные вопросы взаимоотношений государств и народов — дело специальных посольств. Его же задача — заключить перемирие, не более того... После ожесточенного спора о царском титуле (впрочем, завершившегося традиционно: в русском экземпляре перемирной грамоты Иван IV был написан

Вильно в XVI в.

Гравюра

царем, в литовском — великим князем) начался дележ территорий. Литовцы пытались провести вариант текста договора довоенного времени, еще до 1561 г., содержащий «старые рубежи». Россия же требовала всю Ливонию по Западную Двину и Полоцк с окрестностями. Послы ответили претензиями на Новгород, Псков, Смоленск, северские города и, конечно же, Ливонию. Дискуссия завершилась тем, что вопросы, связанные с дележом Прибалтики, было решено вынести на отдельные, специальные переговоры, которые и завершаться достижением «вечного мира». А пока речь может идти о перемирии на 3–5 лет. Для этого не обязательно договариваться о переделе границ, можно просто зафиксировать положение, существующее на данный момент.

28–30 января 1578 г. в посольских избах шло обсуждение текста договора. Русский вариант составляли дьяки А. Я. и В. Я. Щелкалова и подьячий З. Г. Связев, литовский — Ф. Скумин и Т. Казарин. Все сидели за одним столом, читали пункты вслух, а потом Н. Р. Юрьев и бояре ходили согласовывать их с Иваном IV.

30 января состоялась торжественная церемония принесения крестоцелования. Грамоту в присутствии царя, бояр и литовских послов дьяки читали вслух. Затем на рукопись договора положили крест, и царь его поцеловал. Эффект несколько подпортило то, что Иван при этом торжественно напомнил, что перемирие временное, и он категорически не намерен отступить от Ливонии.

Проект перемирия, составленный в Москве в январе 1578 г., был обречен на неудачу. Он предполагал трехгодичное прекращение военных действий на условиях «кто чем владеет» на момент заключения договора. После победоносного похода 1577 г. значительная часть Ливонии оказалась под контролем войск Грозного, и это, естественно, не могло устроить Батория.

30 апреля 1578 г. в Вильно для утверждения перемирной грамоты должна была выехать миссия во главе с Тверским дворецким М. Д. Карповым, казначеем П. И. Головиным и дьяком К. Г. Грамотиным. Никаких новых инструкций о Ливонии послы не получили, им было велено не ввязываться в дискуссии по проблемным вопросам (о «братстве», о «царском титуле»), а только закрепить договор. Судьба посольства Карпова и Головина оказалась крайне неудачной. Пока оно добиралось до Литвы, изменился политический контекст.

Если в марте 1578 г. Стефан еще искал мира с Россией, то уже в апреле он начал подготовку к походу на Русь. Это было связано с окончанием трехмесячной работы Варшавского сейма (январь — март 1578 г.), который принял решение о войне с Россией для освобождения Полоцка и Ливонии. 28 апреля король Стефан выступил с обращением к епископам, князьям и сенаторам Великого княжества Литовского. В нем он обвинял Грозного в присвоении царского титула и в претензиях захватить, кроме исконной польской провинции Ливонии, еще и Корону Польскую, и Великое княжество Литовское. Обвинение было вымышленным, поскольку столь далеко амбиции Ивана не простирались.

Но Баторий развязал против России грандиозную пропагандистскую войну — и блестяще выиграл ее. Бывший семиградский князь понимал, что добьется успеха та армия, солдаты которой будут не просто ненавидеть своего врага, но ощущать, что исполняют высокую миссию спасения человечества. Поэтому почти сразу же с принятием

решения о войне с москвитами началась подготовка и «вброс в массы» большого количества сочинений, в которых разоблачалась «*кровожадная и захватническая натура Московита*». Ясно, что в контексте подобной политической установки рассчитывать на успех русских дипломатов было бы наивным.

Посольство Карпова – Головина прибыло в Литву 2 июня 1578 г. Более полугода его держали в разных городах: Слониме, Львове и др. Послы искали встречи со Стефаном, но каждый раз по приезде в новый город им сообщали, что короля здесь нет, но вот в следующем пункте маршрута он их встретит непременно. В ходе этих мытарств в Люблине 4 сентября 1578 г. умер глава миссии М. Д. Карпов. Паны в переписке так прокомментировали его смерть: «*Из послов Московских один недавно умер в Люблине, жаль, что не сам князь в Москве*».

На пути следования русские дворяне собирали сведения об обстановке в Речи Посполитой. Удалось также добыть разведывательные сведения, будто бы паны литовские не хотят воевать за Ливонию и чуть ли не отзывают оттуда свои войска. А Стефан, по примеру Генриха, разочаровавшись в своей стране, пытался бежать из Речи Посполитой, но его не пустили польские паны. Однако надежды, пробужденные этими сведениями, развеялись в дым от грохота артиллерийского салюта с крепостных стен г. Уряндова 10 ноября 1578 г. На вопрос послов, по какому случаю праздник, они услышали ошеломляющее: «*Мы под Венденом разбили русских и хвалу Богу воздаем*».

Неудачные бои под Венденом были непрекращающимся кошмаром русской армии весь 1578 г. Собственно говоря, удар на Венден был задуман в качестве ответа на потерю Динабурга и Вендена в ноябре 1577 г. В феврале 1578 г. состоялся первый поход, войска четыре недели безрезультатно простояли под стенами крепости и отступили. 27 июня полки вновь выступили к Вендену, но по неясной причине (в документах говорится, что «*воеводы замешкались*») до него просто не дошли. В октябре 1578 г. состоялась третья, пятидневная осада Вендена. Сперва успех способствовал русским – артиллерия пробила пролом в крепостных укреплениях. Но потом на помощь гарнизону подошли крупные силы: литовцы Андрея Сапеги, поляки Матвея Дембинского, ливонцы Николая Корфа, шведы Георга Бойе. Они провели успешную конную атаку. Русский строй сломался, первыми бежали

татары. Войска Ивана IV отступили в осадный лагерь, который противник взял штурмом на следующее утро.

Погибли командиры — боярин В. А. Сицкий, окольный В. Ф. Воронцов. В плен попали высокопоставленные чины — окольный П. И. Татев, князь П. И. Хворостинин, дьяк А. Клобуков. Сумели спастись бегством только боярин И. Ю. Голицын и дьяк А. Щелкалов. Русские потеряли более 30 орудий.

Московские дипломаты отказывались верить в сообщение о разгроме под Венденом. Они удивлялись: между Россией и Речью Посполитой перемирие, скрепленное крестоцелованием, о каких боевых действиях может вообще идти речь? Но им с гордостью называли раздутые цифры потерь армии Ивана Грозного: 6000 татар, 4000 стрельцов, «ездового люду» и посохи 12000. Реальные потери были меньше, но в данном случае был важен сам эффект: со времен Улы (1564) русская армия в боях с литовцами не подвергалась разгрому.

Слабым утешением для Ивана Грозного были два обстоятельства: в конце октября 1578 г. русские воеводы взяли в Ливонии г. Оберпален, принадлежавший шведам. А в Москве царь приказал казнить пленных ливонцев и разогнать протестантскую общину. Расправа над пленными и безоружными на время утолила гнев государя, но вовсе не способствовала улучшению его репутации.

Но вернемся к рассказу о злоключениях посольства Головина. Обуреваемые нехорошими предчувствиями, русские дипломаты добрались до польской столицы — Кракова лишь 3 декабря 1578 г. Паны встретили их за полверсты до города, и началась ожесточенная перепалка — кто раньше сойдет с коня, чтобы выслушать приветственные речи. Кончилось тем, что первой ступить на землю не пожелала ни одна из сторон, и обе делегации зачитывали грамоты, сидя в седлах — беспрецедентное нарушение этикета! В качестве единственной уступки послы «*против королевской речи*» сняли шапки, хотя остались на конях.

Однако это было только начало неприятностей. Представ 5 декабря 1578 г. в Вавеле пред очами Стефана, дипломаты наотрез отказались идти к его руке. Они вначале хотели «*править поклон*» и провозгласить имена Ивана IV и Стефана Батория, а от них потребовали первоначально целовать руку. Упрямые послы все же стали кланяться, но в ответ король не встал и не задал положенного по этикету вопроса

о здоровье Грозного. Положение пытался спасти Остафий Волович, который, стоя возле трона, произнес необходимую формулу: «Здоров ли государь и великий князь Иван Васильевич?» Но Головин потребовал: «Пусть сам король спросит!»

Волович пытался разъяснить, что Баторий уже задал этот вопрос, но он говорит по-венгерски, и русские его просто не понимают. Однако послы стояли на своем: пусть король встанет при провозглашении имени Ивана Васильевича, оно-то на всех языках звучит одинаково. Как потом было записано в отчете, русским показалось, что *«тем король хочет с государем поравняться»*.

Стефан и паны возмущались строптивостью гостей, а они наперебой кричали, что паны только *«бездельно говорят»*, будто хотят *«покою христианского»*, а на деле государь Речи Посполитой не хочет даже как положено приветствовать московского правителя. Польские и литовские аристократы нервно металась от Стефана к Головину, пытаясь примирить стороны. В целом картина начала переговоров получилась впечатляющая.

Скандал завершился градом взаимных оскорблений. Поляки заявили, что Баторий не встанет и о здоровье не спросит, поскольку Грозный не сделал этого перед посольством Крыского. Головин же презрительно разъяснил, что Стефан *«взялся»* на престоле *«не по обычаю»*, поэтому приветствовать его никто и не собирался, Москва до сих пор не знает, кто же стал польским королем, не самозванец ли? Теперь же, когда Россия оказала великую честь — признала Батория «соседом» — правителю Речи Посполитой грех не встать! В ответ дипломатов отправили *«бездельно»* на подворье, пригрозив высылкой из Кракова в течение недели.

8 декабря литовцы предприняли попытку еще раз организовать аудиенцию в Вавеле, но Головин сразу спросил, будет ли встреча обставлена, как положено, встанет ли король и спросит ли о здоровье и т.д. Пристав Петр Славостовский уехал узнать намерения Стефана и не вернулся. На следующий день миссии заявили, что ее высылают из Кракова 11 декабря 1578 г. Послы уныло покидали столицу Речи Посполитой. Их провожала артиллерийская канонада множества орудий, установленных на стрельбище под городом. Баторий готовился к войне...

Венден

Фото А. И. Филюшкина

Однако главной бедой оказалась даже не неудача посольства Карпова – Головина. Этот результат был предрешен, поскольку решение задачи, поставленной перед дипломатами, запоздало еще до того, как они пересекли литовскую границу. Напомним, что отправка посольства Карпова – Головина планировалась на 30 апреля 1578 г. Еще 22 апреля 1578 г. из Смоленска пришло известие, что Стефан отправил в Москву своего гонца, Петра Гарабурду. 5 мая он пересек границу. 15 мая Иван IV созвал срочное заседание Боярской думы. На нем предполагалось обсудить возникшую проблему с накладкой посольств: Карпов и Головин не успеют подтвердить перемирие, и будут вести переговоры, не зная, какие новые требования Стефана озвучит в Москве Гарабурда.

В итоге было принято не самое удачное решение: все равно отправить в Вильно русскую делегацию, проследив, чтобы она не пересеклась с Гарабурдой на дорогах Смоленщины. 16 мая посольство Карпова – Головина отправилось в Речь Посполитую. Гарабурду же с 10 мая

по 18 июня насильно держали в Дорогобуже, а затем до 25 августа — в Ржеве. Получилось, что пока Карпов и Головин колесили по Литве и Польше, пытаясь добиться соглашения со Стефаном, Гарабурда столь же безрезультатно переезжал из одного русского города в другой и ждал вызова в Москву, ко двору Грозного. Только один Баторий не терял времени и готовил армию к походу на Россию.

Только 31 августа 1578 г. Петр Гарабурда был принят Иваном IV в Александровой слободе. Аудиенция была обставлена весьма холодно: посла даже не пустили к государевой руке. Гарабурда же храбро зачитал грамоту Стефана еще от 20 марта 1578 г., которую он хранил все это время. В ней говорилось, что без решения вопроса о Ливонии ни о каком перемирии не может быть и речи. Краков и Вильно ждут от Москвы присылки делегации, которая в Речи Посполитой, на чужой территории, будет обсуждать условия сдачи ливонских земель, занятых русскими войсками.

Фактически это было требование капитуляции. Если бы царь не задержал Гарабурду, а поинтересовался бы, что за грамоту он привез, то не было бы бессмысленного посольства Карпова–Головина. Когда оно пересекало русско-литовскую границу, Стефан уже решил ссориться с Россией, а русские дипломаты этого не знали.

9 июня 1579 г. Филон Кмита сообщил из Орши, что гонцом от короля едет Венцлав Лопатинский, который и везет важные заявления от польского короля. Однако Иван IV решил, что дипломату *«у него, Государя, вскоре быти невместно»*. Лопатинского задержали в Дорогобуже. Грозный все ждал известий от сгинувшего где-то в Речи Посполитой посольства Головина.

Однако урок из ошибки, допущенной с Гарабурдой, был все же извлечен. Приставам, думному дворянину Б.В. Воейкову и дьяку И.Ф. Стрешневу было велено выманить грамоты Стефана у пребывавшего под фактическим арестом в Дорогобуже Лопатинского и передать их в Москву. Но тот уперся, что ему велено все вручить лично. Однако упрямство литовского дипломата длилось недолго и было сломлено заявлением, что его никогда не отпустят из России, если он не отдаст грамоту Стефана.

Содержание письма Батория оказалось крайне неприятным. Он жаловался на продолжение войны в Ливонии, много рассуждал

о судьбах пленных, «мордовании подданных», не одобрял предлагаемый Россией принцип территориального раздела. Он ругал содержание грамот Грозного, писал, что в них содержатся «непотребные речи», которые нельзя слушать. Баторий отказался соблюдать перемирие и заявил, что он будет «чинить» то, что «пригоже государю христианскому». Фактически эта грамота обозначала объявление войны. В ее разжигании обвинялась русская сторона: Стефан упоминал недавние нападения казаков под командованием Дмитрия и Александра Языковых от Усвята на оз. Сесете, увод большого полона. Так мелкая пограничная стычка, счет которым с обеих сторон шел на десятки, была возведена в повод для развязывания большой войны против России.

Таким образом, дипломатические усилия России в 1578–1579 гг. назвать удачными нельзя. Их осложнило еще одно обстоятельство: в 1578 г. изменил Магнус. «Ливонский король» остался под глубоким впечатлением от унижительного обращения с ним Грозного во время войны в Ливонии в 1577 г., и решил, что такого господина ему не надо. Он вступил в переписку со Стефаном, который долго колебался, отвечать ли на предложения Магнуса, так как Баторию была неясна позиция Дании. Однако Копенгаген бросил герцога на произвол судьбы, а переход бывшего «голдовника» Ивана IV в вассалы Батория был тем соблазнителен, что с ним переходили и города, входившие в «Ливонское королевство» Магнуса. В конце концов после переговоров с Миколом Радзивиллом датчанин был принят под покровительство польского короля, что довольно сильно ослабило русские позиции в Ливонии. Измена Магнуса усилила подозрительность и без того мнительного Ивана Грозного, который считал предательство и нерадение подданных главными причинами неудач в войне. Как мы видим, эти обвинения не всегда были беспочвенными.

Полоцкий контрудар (1579 г.)

Баторий хорошо подготовился к войне. Еще в июне 1577 г. был введен специальный налог на оборону границ от Москвы и татар. Участники Московской войны, как при польском дворе называли начинавшуюся кампанию, уже в 1577 г. специальным распоряжением Батория заранее получили материальные льготы. В 1578 г. был проведен ряд военных реформ. Прежде всего, король стремился наладить финансирование

армии. Для того были введены новые подати: на земельные наделы, на продажу спиртного, установлены квоты набора в армию. Денег все равно не хватало, и тогда король вложил в армию личные средства, из собственной казны.

Основную ставку Стефан сделал не на шляхетское ополчение, «*посполитое рушание*», которое не имело особых преимуществ перед таким же русским дворянским ополчением, а на наемную армию. Как раз в эти годы в Европе произошла так называемая «катастрофа мира» — уменьшилось число войн, и огромное количество военных наемников оказалось не у дел. Они ничего не умели, кроме как воевать. Эту силу, профессиональных солдат, и решил призвать под свои знамена Баторий. В германские земли были посланы для найма воинов Христофор Розражевский и Эрнест Вейер. Кроме того, брат Стефана, Христофор Трансильванский, прислал несколько отрядов венгерской пехоты и конницы. В итоге королю речи Посполитой удалось собрать необычно многочисленную (около 40 тыс. пехоты и конницы) для Восточной Европы армию, отличительной особенностью которой было то, что почти половину ее составляло не рыхлое и малобоеспособное «*посполитое рушание*», а опытные наемники. Во многом именно этим фактором и были обусловлены поражения России в 1579–1581 гг.

На совещании с командованием король обсуждал несколько направлений главного удара. После некоторых размышлений была отвергнута идея вытеснения русских войск из Ливонии. Страна была слишком разорена, чтобы на ее территории можно было бы развернуть обширные боевые действия. Войско не смогло бы кормиться за счет местного населения. А зависимость от подвоза фуража сделала бы армию Батория медлительной и неповоротливой. Было ясно, что судьба кампании решится на русско-литовском, а не ливонском фронте.

Паны Великого княжества Литовского выдвинули план наступления на самый богатый из ближайших русских городов — Псков. Однако, несмотря на всю соблазнительность этой идеи, король ее отверг. К Пскову предстояло бы идти через русскую территорию, на которой располагались многочисленные крепости с гарнизонами. Штурмовать их означало бы затяжку похода, и Иван IV успел бы подтянуть к Пскову значительные силы. А оставлять их в своем тылу и идти маршем к Пскову являлось рискованным.

Другой целью похода мог стать Полоцк. Этот город наряду со Смоленском Баторий рассматривал как объект своего наступления еще в 1577 г. Теперь он окончательно склонился к этой мысли и сумел настоять на своем во время совещания.

Овладение Полоцком в дальнейшем открывало дорогу и в Ливонию, и на Псков. Захват Полоцка давал в руки Стефану контроль над значительной частью течения реки Западной Двины, что позволяло бы доставлять в Ливонию войска и боеприпасы водным путем, более быстрым и экономичным. Кроме того, потеря Полоцка в 1563 г. была самым крупным уроном, понесенным Великим княжеством Литовским во второй половине XVI в. И его возврат имел бы огромное психологическое значение и покрыл бы новоиспеченного короля неуязвимой славой.

30 июня 1579 г. 40-тысячное королевское войско двинулось в поход на Россию. Его ядро составило ополчение Великого княжества Литовского под командованием коронного гетмана Миколая Радзивилла. Жолнерами руководил его сын Криштоф, польским рыцарством — Миколай Мелецкий, воевода Подольский, немецкими наемниками — Криштоф Розражевский. Уже под стенами Полоцка к войску присоединились еще и прусская пехота и подольская конница. Продвижение было затруднено дождями. Размыло дороги, и на них застревали телеги с амуницией, пушки, повозки с боеприпасами. Король проявил личную самоотверженность: для подвоза пушек он приказал отдать лошадей из королевского двора.

12 июля 1579 г. Стефан выступил с воззванием о причинах войны с Москвой одновременно на латинском, польском, венгерском и немецком языках. Излагались преступления Ивана IV, главным из которых было нападение на Ливонию. Война объявлялась справедливой, за восстановление мира и обуздание агрессора. Провозглашался священный характер войны — Бог на стороне Батория и его армии.

В августе появилось обращение Батория к народу России. Он объявлял, что воюет не с русскими дворянами, горожанами, крестьянами, а исключительно с тираном и преступником Иваном Грозным. Цель войны — освободить оккупированные злодейским царем земли, в том числе Полоцк и Ливонию, и вернуть задавленным бесчеловечным деспотизмом москвитам права и свободы, которых достойны

Осада и сдача Полоцка в 1579 г.

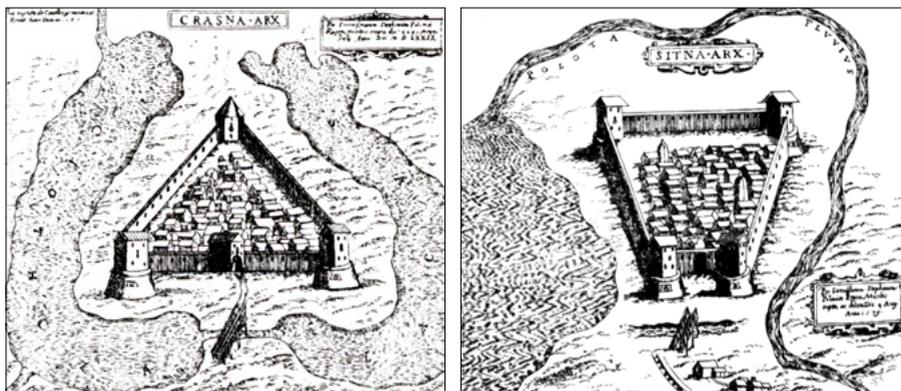
Гравюра с рисунка XVI в.

истинные христиане. Баторий призывал всех, недовольных правлением Ивана IV, поддержать освободительные польско-литовские войска. Забегая вперед, заметим, что этот призыв остался без ответа: за все годы войны на сторону противника перешло несколько десятков дворян. Были дезертиры и перебежчики из действующей армии, были сдачи в плен целых гарнизонов. Но никакой внутренней оппозиции

Ивану IV внутри страны, да еще и готовой поддержать вторжение польской армии, так и не возникло. Баторий сильно ошибся в русских...

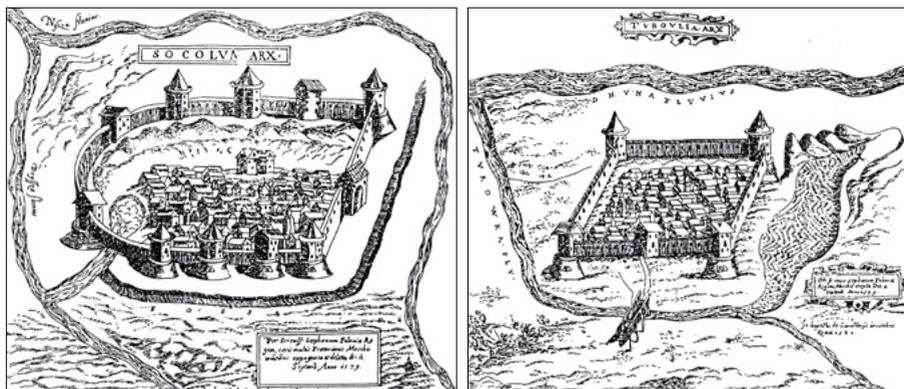
Тем временем в Москве не сидели сложа руки. Армия по приказу царя готовилась к походу за Западную Двину, на Курляндию. 7 июля за Двину в разведку боем ходили воеводы Д.И. Хилков и М.А. Безнин. Они переправились через реку у Кокенгаузена, сбив заслон из 150 курляндцев, и прошли небольшим рейдом по близлежащим землям. Разорению подверглись Зельбургская и Биржанская области.

Русские крепости («полоцкие пригороды»): Красный и Ситна
Гравюры с рисунков С. Пахоловицкого

Можно было бы наступать дальше, потому что наиболее боеспособные литовские части покинули Ливонию и ушли со своим военачальником Криштофом Радзивиллом для участия в Полоцком походе. Но развить успех Хилкову и Безнину помешал приказ немедленно возвращаться: русское командование готовилось к срочной переброске войск под Полоцк для отражения наступления Батория. Стефан же, видя опасность, срочно перебросил в Ливонию жмудские отряды под командованием Ивана Талваша.

Но русские полки не успели. 1 августа на помощь Полоцку из-под Пскова выступили воеводы Б.В. Шеин, Ф.В. Шереметев, князя М.Ю. Лыков, А.Д. Палецкий и В.И. Кривоборский. Перед ними была поставлена задача пройти в Полоцк, а если не удастся — то засесть в близлежащей крепости Сокол. Увы, войско Батория опередило русских воевод, и на ближних подступах к Полоцку после короткого конного боя с полками Криштофа Радзивилла и Яна Глебовича воеводы решили занять оборону в Соколе, опасаясь столкновения с превосходящими силами противника. Участие посланной рати в обороне Полоцка свелось к отправке мелких отрядов, «промышлявших» на коммуникациях неприятеля и громивших его обозы. Тем временем 28 июля литовцы взяли Козьян, 31 июля — Красный и 4 августа — Ситну. Это были небольшие крепости в Полоцкой земле. 16-тысячная армия Батория обложила Полоцк с трех сторон. Первыми под его стены подошли литовская конница Миколая и Криштофа Радзивиллов и венгры Каспара Бекеша.

Русские крепости («полоцкие пригороды»): Сокол и Туровля
Гравюры с рисунков С. Пахоловицкого

Полоцкие воеводы, не получив поддержки, ввели свои малочисленные войска под защиту крепостных стен. Это решение было, с одной стороны, правильным, потому что в полевом сражении армия Батория была явно сильнее. С другой стороны, получилось, что король дошел до стен Полоцка, практически не встречая сопротивления. Никаких сражений на дальних подступах дано не было. Мелкие русские крепости в окрестностях Полоцка оказались брошены на произвол судьбы, и пали одна за другой.

Укрепления Полоцка состояли из двух крепостей — Стрелецкой и Верхнего замка. Часть города за рекой Полотой — Заполотье — было защищено слабо. Именно на Заполотье обрушились первые атаки венгров. Русские зажгли город и ушли в Верхний замок и Стрелецкую крепость под защиту стен.

Город был обложен по всем правилам военного искусства. Армия Батория выстроила осадные укрепления — шанцы — и стала подводить их к городу. Одновременно под стены и башни велись подкопы. В них планировалось заложить мины и взорвать укрепления вместе с осажденными. По городу непрестанно била польская, венгерская и литовская артиллерия. Поскольку обычные ядра отскакивали от дубовых стен, то венгры открыли огонь калеными ядрами. Они специально разогревались на огне, обертывались во влажную траву, чтобы не воспламенить порох в пушке раньше времени, и затем выстреливались по деревянному городу. Однако ожидания, возлагавшиеся

Полоцкая крепость в 1579 г.
Русинок С. Пахоловицкого

Баторием на каленые ядра, не оправдались. Особого эффекта они не имели.

Тогда король стал призывать поджечь стены вручную, с помощью факелов. Было набрано несколько отрядов добровольцев, но они почти все оказались перебиты. Под стенами крепости их встречал плотный орудийный, ружейный огонь, выстрелы из луков, огромные бревна, которые сбрасывали со стен, и они катились по склону холма навстречу штурмующим и давили их. Все население Полоцка, в том числе женщины и дети, тушили пожары, а также подтаскивали на стены кипяток, который лили на головы нападавшим. Некоторые защитники города самоотверженно свешивались на веревках за крепостные стены и, находясь под пулями неприятеля, заливали водой факелы, снаружи подброшенные к основанию укреплений. Полочанам помогла и погода: из-за непрекращающихся дождей промокшее дерево горело плохо, и войскам Батория не удалось зажечь Полоцк.

Дождь доводил баториевцев, стоявших лагерем в чистом поле, до иступления. Современник событий Рейнгольд Гейденштейн писал: *«Вследствие весьма сильных и непрерывных дождей дороги так испортились, что вьючные лошади, не имея возможности выкарабкаться из грязи, по большей части умирали от истощения, и все дороги устланы были конскими трупами. Дожди до такой степени увлажнили почву, и без того жирную и влажную саму по себе, и все напоили водою, что даже под кожами в самых палатках магнатов не оставалось места, где можно было бы лежать. Следствием всего этого было то, что... съестные припасы и в особенности сено до крайней степени возросли в цене; чего раньше и не слыхивали, особенно в Польше, — каждая мера овса покупалась за 10 талеров, так что им, конечно, кормили только более благородных коней; с другой стороны в числе Поляков и Венгерцев находились такие люди, которые не задумывались есть мясо падших лошадей; и не столько казалось удивительным это само по себе новое и непривычное кушанье, сколько то, что питавшиеся им не замечали, чтобы от этого им приключилась какая-нибудь болезнь. При затруднительном положении всех, всего более страдали Немцы... потому, что привыкли вести войну в странах населенных частыми городами».*

Успеху осажденных способствовал и неожиданный контрудар русских войск, последовавший из крепости Суши, которую войска Батория

оставили в своем тылу, полагая, что она опасности не представляет. Отважный гарнизон ночью атаковал Красный, захваченный литовскими казаками, и сжег лагерь неприятеля. После этого отряды из Суши стали нападать на литовские обозы, на которых из Вильно подвозилось продовольствие. В этом сушинцам помогал гарнизон находившейся выше по течению Двины крепости Туровли. Батерий приказал командиру Франциску Жуку взять Туровлю, но, несмотря на неоднократные атаки врагов, она держалась.

Штурмы и нападения на город, которые длились почти непрерывно с 11 по 29 августа, никакого успеха не принесли. Наилучших образом показали себя венгерские и немецкие наемники, а также польская пехота. Между тем, именно эти части хуже всего переносили непогоду и нехватку продовольствия, и король боялся, что наемники откажутся воевать. Силами одного литовского ополчения, даже при поддержке польских частей, Полоцк вряд ли удалось взять. Поэтому надо было выбирать: или немедленное отступление, или решающий штурм. Батерий выбрал штурм.

29 августа, когда наступил перерыв в дождливой погоде, осаждавшим удалось поджечь в нескольких местах крепостную стену. Защитники тушили пожары целый день, но все равно не смогли предотвратить серьезный урон, нанесенный укреплениям. Среди полочан начались волнения: малодушные решили, что пора сдаваться. Десять человек на веревках спустилось со стен и перебежало на сторону врага. Однако им не повезло: они вышли в расположении венгерских войск. Венгры же решили пленных не брать, ибо добровольная сдача города лишила бы их славы и возможности безудержно пограбить в качестве награды за труды и потери при штурме. Поэтому солдаты убили перебежчиков. Гейденштейн писал: *«Молва о древних богатствах знаменитого города и особенно находящейся в нем церкви св. Софии, о серебряных статуях, о богатейших дарах древних русских князей, которые, как говорили, находились там, возбудила в солдатах надежду на огромную добычу; воспламененные ею, они переносили весьма равнодушно все невзгоды, лишь бы овладеть крепостью».*

Вечером поляки и венгры попытались войти в город через то место, где стена прогорела и разрушилась от пожара. Однако защитники успели вырыть внутри крепости прямо напротив пролома еще один ров

и установить там пушки. Штурмующих встретил плотный орудийный и ружейный огонь, и они побежали назад. Король и его приближенные, канцлер Ян Замойский и командовавший польскими войсками Миколай Мелецкий лично вывели войска к стенам Полоцка, чтобы разбитые отряды поляков и венгров сумели отойти, и чтобы осажденные не смогли сделать вылазку. Баторий продемонстрировал немало личного мужества, командуя полками под артиллерийским огнем со стен и башен Полоцка.

30 августа венграм удалось захватить и сжечь крепостную башню, располагавшуюся недалеко от пролома. Пользуясь тем, что целый участок стены оказался без укреплений и защиты, солдаты Батория сумели подвести осадные укрепления к самому крепостному рву Полоцка. Это делало крепость очень уязвимой. Поэтому среди осажденных возник раскол: «*ратные люди*» решили прекратить сопротивление и сдать город, епископ Киприан и воеводы требовали стоять до конца. Они даже попытались поджечь пороховой склад, чтобы не сдавать крепость врагу. Однако рядовые ратники предотвратили взрыв. Тогда Киприан с воеводами заперся в соборе Св. Софии, и отказался выходить, пока его не вытащат оттуда силой.

1 сентября 1579 г. Полоцк капитулировал. Московиты прекратили сопротивление при условии, что кто хочет — того отпустят в Россию, кто хочет — поступит на королевскую службу. Всего сдалось 6000 человек. Вошедшие в город солдаты Батория оказались страшно разочарованы: они не нашли той богатой добычи, на которую надеялись. Только трупы, разбитые орудия и брошенные боеприпасы, пепелище, воронье и разоренные дома... Самой главной ценностью в Полоцке оказалась богатая библиотека, но наемники Батория не обратили на нее никакого внимания. Разочарованные солдаты нашли выход своему раздражению во взаимных сварах: в лагере начались массовые драки между венграми и поляками за дележку небогатых трофеев. Король сумел прекратить это безобразие, только раздав богатые подарки из собственной казны.

С падением Полоцка наступление Батория не прекратилось. Литовские казаки жгли замки по Двине за 4 мили до Улы. Нападению подверглись русские крепости Сокол, Дрисса, Ниша, Туровля. Войска Речи Посполитой применяли простую тактику: зажигали замки огнем, а потом уничтожали гарнизоны, спасавшиеся бегством. 4 сентября

Остатки вала крепости Ивана Грозного в современном Полоцке

Фото А. И. Филюшкина

пала Туровля, которую взял отряд Константина Лукомского. Радзивилл и немецкие наемники двинулись под Дриссу, Я. Збаражский осадил Нишу. Но самое крупное сражение произошло под стенами Сокола, где засела русская рать под началом воевод Б. В. Шеина и Ф. В. Шереметева со товарищи. Осадой Сокола руководили коронный гетман М. Мелецкий и брацлавский воевода Я. Збаражский. 11 сентября после ожесточенного сопротивления крепость была взята поляками, а ее гарнизон большей частью пал в битве.

6 октября полоцкий воевода Миколай Дорогостайский-Монивид взял Сушу. За добровольную сдачу города весь гарнизон был отпущен с оружием в руках.

В это же время оршанский староста Филон Кмита с литовским рыцарством и казаками громил окрестности Смоленска, сжег несколько сотен мелких сел и деревень, предместье Смоленска, угнал огромные стада скота. Константин Острожский и брацлавский Каштелян Михаил Вишневецкий перешли Днепр, осадили Чернигов, спалили

Вал крепости Сокол. Вал порос лесом, но читается на местности четко

Фото А. И. Филюшкина

«место черниговское». Были распущены загоны по Северной земле до Стародуба, Радогоща и Почепа.

Речь Посполитая ликовала. Новый король принес ей славу военных побед над заклятым врагом — московитами. В восхвалениях своего обожаемого монарха польские поэты и писатели не знали удержу. Ян Янушевский написал похвалу Стефану на Полоцкое взятие. Он называл победу польского оружия величайшим в истории *«триумфом»*. Увлекаясь, автор писал, что король *«укротил неистового Буцефала»*, *«прошел между Сциллой и Харибдой и привел свой корабль в тихую гавань»*. Стефан подобен Александру Македонскому, Цезарю и Карлу Великому, вместе взятым. Таким образом, Полоцкая победа 1579 г. была поставлена в один ряд с подвигами великих античных и средневековых полководцев.

Правда, где есть герои и победители, всегда появляются и завистники. Как ни странно, победа Батория увеличила и число его противников в Речи Посполитой. Король награждал командиров, наиболее

отличившихся в боях под Полоцком — а это большей частью были венгры. Данные награды вызвали страшное раздражение среди польской и особенно литовской шляхты, куда менее доблестной на полях сражений, зато считающей, что Баторий должен поощрять прежде всего шляхетство, польских и литовских панов. Каждый захудалый шляхтич был убежден, что король обязан своим избранием лично ему — ведь он бы мог отдать свой голос и за другого. Паны ждали дождя наград, почестей, привилегий. А вместо этого получили набор в войска, повышенное обложение налогами на нужды армии да еще и явное пренебрежение шляхетской демократией (что в условиях военного времени было правильным и полностью оправданным).

Поэтому завистники и клеветники исходили злобой. По стране пошли слухи, что Стефан будет возвышать только иностранцев, а коренные народы, шляхетство, останутся ни с чем. Когда Баторий по делам поехал во Львов, то тут же был пущен слух, что он украл казну и теперь хочет бежать в свою Венгрию. Клеветники стремились внести склоки в семейную жизнь короля, нашептывая Анне Ягеллонке, что Стефан ее непременно бросит, так как считает ее слишком старой.

Раздавались даже голоса, что победой над Россией Стефан может поставить Речь Посполитую на грань катастрофы. Если вдруг мы победим московитов и присоединим их к своему государству (а именно такой исход войны паны уже воображали в своих горячих головах), то не будет ли от этого хуже Польше и Литве? Ведь этими невежественными русскими надо будет управлять, надо будет их кормить и т.д. Канцлер Ян Замойский даже был вынужден произнести перед сеймом особую речь, в которой обосновывал необходимость завоевания России для нужд Польши. Он заявил, что: *«Положение нашего государства, мне кажется, таково, что если только мы хотим... сохранить настоящее положение республики, то совершенно необходимо присоединить к ней какое-нибудь новое королевство»*. И Россия прекрасно подходит на эту роль. Замойский пригрозил смутьянам, сеющим мятеж, королевскими карами: *«Пусть никто не рассчитывает злословием и особенно запоздалыми стараниями произвести смуту, выслужить себе награды, какие даются за доблесть и честные заслуги»*.

На Руси же потеря Полоцка произвело крайне удручающее впечатление. Больше всего пугало то, что часть войска сложила оружие

без боя. Поскольку армия «богоизбранного» царя по определению проигрывать не могла (поскольку это сразу же бы ставило вопрос, действительно ли «богоизбран» ее государь), то Иван Грозный нашел очень простое объяснение военных неудач: во всем якобы виноваты изменники. Мнительность и подозрительность царя резко выросли. Он был убежден, что Полоцк мог бы сопротивляться, но был предательски сдан Петром Волынским и стрельцами. Замедленное продвижение русской армии на выручку Полоцку также было связано с конфликтом царя с одним из воевод: когда И. Ф. Мстиславский предложил наступать быстрее, то Грозный обвинил его в измене, что князь хочет завести войска в ловушку. Царь кричал на воеводу: «*Ты, старый пес, до сих пор насыщен полностью литовским духом*» (предки Мстиславского много лет назад приехали из Литвы). Военачальника, который хотел спасти Полоцк, Иван на глазах у бояр отколотил палкой...

После подобных обвинений, которые грозили смертной казнью, у воевод резко уменьшалась охота проявлять инициативу — не дай Бог ошибешься и в глазах царя угодишь в предатели. Лучше уж быть слепым исполнителем монаршей воли и тупо исполнять исходящие сверху приказы. Правда, так войны не выиграешь, но и в застенки к палачу не попадешь... Культивирование обстановки взаимной подозрительности, доносов воевод друг на друга, шпиономании, исходившее от самого Ивана Грозного и командования армией, резко уменьшало ее боеспособность как раз тогда, когда от войск требовалась наибольшая мобилизация всех сил для защиты России. И в этом — одна из главных причин поражения России в «*Баториевой войне*». Наибольший успех, что показательно, был достигнут в 1581 г. под Псковом, в оборону которого Иван IV не вмешивался. Там же, где царь приложил руку к командованию, были сплошные поражения*.

---

* Данная оценка, пожалуй, выглядит чрезмерно жесткой. Вряд ли стоит сводить причины неудач русских ратей в ходе Московской войны к пристальному контролю за действиями воевод со стороны Ивана. Стремление держать воевод «на коротком поводке» — характерная черта старомосковской военной системы, и, к примеру, Алексей Михайлович был привержен этому еще в большей степени, чем Иван Грозный. К тому же самые крупные победы русского войска в 50-х — нач. 80-х гг. XVI в. были одержаны тогда, когда сам царь лично руководил действиями своих полков — например, под Казанью в 1552 г., под Полоцком зимой 1563 г. или в ходе Ливонского похода 1577 г. Самые

Кроме неудач под Полоцком, Россию подстерегали новые проблемы в Прибалтике — воспользовавшись ситуацией, там активизировались шведы. 18 июля шведский флот атаковал Нарву и Ивангород и сжег артиллерийским огнем их предместья. 27 сентября шведский отряд Г. Горна осадил Нарву. Осада длилась две недели, и была снята после подхода на помощь городу полков Т. Р. Трубецкого и Д. И. Хилкова.

Потерпев поражение в стратегическом плане, Грозный пытался ответить в тактическом. Русские отряды по приказу царя пошли в Литву, грабя и наводя ужас на население. Осенью 1579 г. из Пскова воевать литовскую землю ходили воеводы В. Д. Хилков, М. А. Безнин. Набег на Лифляндию и Курляндию совершил отряд И. Т. Фустова. Русский летописец сообщает, что полки *«воевали до Вильны»*, но это, видимо, преувеличение. Боевые действия осенью 1579 г. носили локальный характер и были сосредоточены в псковско-полоцком приграничье.

Трагедия Великих Лук (1580–1581 гг.)

Благодаря усилиям, предпринятым Стефаном Баторием и Яном Замойским, весной 1580 г. Речи Посполитой удалось значительно обновить и усилить свою армию. Наиболее боеспособные части по-прежнему составляла венгерская пехота. Под Полоцком ее ряды изрядно поредели от русского огня. Но по инициативе Замойского был проведен новый набор, и количество венгерских отрядов значительно увеличилось. С ними вместе выступали профессиональные немецкие конные воины под командованием Юргена фон Фаренсбаха. Кроме того, на этот раз под знаменами Стефана была собрана отборная конница Речи Посполитой. Главные силы в ней составляли тяжеловооруженные панцирные польские гусары, а также легкая кавалерия — литовские казаки, дополнительно вооруженные огнестрельным оружием, карабинами и пистолетами.

В июне — июле 1580 г. на русско-литовской границе начались активные боевые действия. Литовский князь М. Вишневецкий вместе с крымскими и белгородскими татарами осадил Рыльск. Из Витебска, Орши, Мстиславля наносились удары в направлении Кричева, Стародубских мест, Рославля, Велижа, Брянского, Смоленского, Себежского

же тяжелые неудачи случались тогда, когда контроль за воеводами был ослаблен — например, под Ревелем и Венденом в 1577–1578 гг. — Ред.

Развалины крепости Смильтен

Фото А. И. Филюшкина

и Луцкого уездов. Литовские войска осаждали Усвят, Велиж и Озериче. Непокойно было и в Ливонии: нападениям подверглись Адзель, Трикатен, Шмильтен (последний литовские отряды вскоре захватили). Из Литовской Ливонии королевские отряды делали набеги на псковские и юрьевские места.

Король понимал, что лучше договариваться, чем воевать. Но Стефан в какой-то степени оказался заложником ситуации, и был вынужден следовать логике развивавшегося военного конфликта. Воодушевленные Полоцкой победой, поляки и литовцы объединялись в отряды, переходили русскую границу, громили порубежные земли. Война полыхала по всему пограничью. Большинство этих нападений происходило без прямого приказа Батория. Запретить или даже попытаться ввести стихийные боевые действия в какое-то организованное русло король не мог: шляхетство его бы не поняло. Шляхтичи были слишком воодушевлены победами над русскими, чтобы остановиться.

В июле 1580 г. нападения литовцев были особенно разрушительными в Смоленском уезде (на Голювицы). Дважды осаждалось Озерище. Литовские отряды хозяйничали под Заволочьем. Наконец, в поход двинулась вся королевская армия. Вторжение Речи Посполитой в Россию началось.

Первой была осаждена крепость Велиж. Под его стенами произошел любопытный эпизод: ссора между литовским и польским командованием, чьи войска будут брать город. Наконец, Ян Замоиский сумел распределить полномочия между командирами и повел войска к крепости. Путь был труден: для подвоза орудий и прохода конницы пришлось прорубать через лес дорогу почти в 20 верст. Защитники Велижа окружили город особыми укреплениями — засеками. Гейденштейн так описывает их: *«Подсекши деревья, повалив их с противоположной стороны и перепутав их между собой, за тем нагромоздив сверху еще другие, [русские] оградил себя на расстоянии нескольких тысяч шагов засеками более надежными, чем какая бы то ни была стена; самый лес почти не пропускавший света, и среди белого дня возбуждал в тех, кто вступал в него, такой же страх, как ночью».*

Замоиский отправил пехоту прорубать дорогу в засеках, а казаков под командованием атаманов Никиты и Бирули — в рейд в тыл противника, чтобы казаки перешли реку Двину и перерезали дорогу, ведущую от Велижа к Великим Лукам. Благодаря засекам внезапно напасть на город не удалось: узнав о подходе врага, русские сожгли посад Велижа и укрыли все окрестное население под защитой крепостных стен.

Главную роль при штурме Велижа сыграла венгерская пехота Иоганна Борнемиссы и польские отряды Николая Уровецкого. В течении нескольких дней они выстроили осадные укрепления и начали обстрел крепости, причем с венгерских позиций он велся калеными ядрами. Велижан здесь подвела неудачная военная хитрость: они обложили крепостные стены дерном, чтобы каленые ядра не могли зажечь деревянные укрепления. Но выяснилось, что ядра все-таки пробивают дерн, но при этом дробятся на мелкие осколки, извлечь которые из дерева нет никакой возможности. Таким образом, эффект от стрельбы калеными ядрами получился даже выше. Когда начался пожар в двух крепостных башнях, велижане решили сдаваться. Было ясно, что города не удержать. 6 августа Велиж пал.

В послании Ивану Грозному, отосланному в начале августа 1580 г., Баторий объявлял Новгород, Псков, Смоленск, Северскую землю, Великие Луки, Ливонию исконными землями Великого княжества Литовского. Поэтому действия на этих территориях войск Речи Посполитой не могут считаться агрессией, войной и нарушением перемирия — польско-литовские воинские люди просто идут маршем по своим законным землям. Король объявлял себя хранителем «*покоя христианского*», а Грозного — его нарушителем.

5 августа Иван IV послал королю короткую, но гневную грамоту, с требованием, чтобы Стефан ждал русских послов в Витебске или еще где захочет, они прибудут в течение трех — четырех дней. Время было определено неудачно: как раз шла осада Велижа. Остановить запущенную военную машину Речи Посполитой было невозможно. 12 августа, то есть спустя семь дней, Стефан с усмешкой отвечал на царское послание, что Иван слишком часто давал знать, что послы вот-вот приедут, а они все не спешают. Если же русские дипломаты захотят, они имеют шанс застать Батория еще в границах Речи Посполитой. А то московским послам придется «*править посольство*» уже в России, на своей земле...

Эти слова не были пустой угрозой: 15 августа началась осада второй русской крепости на пути к Великим Лукам — Усвята. Ее вел литовский отряд Юрия Соколинского и вездесущая венгерская пехота. Штурм оказался недолгим, город был взят на следующий день — 16 августа.

Тем временем, 14 августа 1580 г. литовскую границу перешло большое русское посольство, возглавляемое И. В. Сицким, Р. М. Пивовым и дьяком Дружиной Петелиным. Царь Иван все же послал своих послов первым, тем самым проиграв этот раунд Стефану. Посольство Сицкого исполняло свою миссию в трудной ситуации: оно ехало фактически на фронт, потому что король находился непосредственно на театре военных действий. Уже на рубеже москвичей ждала стычка с оршанским старостой Филоном Кмитой, который назвал себя «*смоленским воеводой*». Сицкий парировал этот демарш ссылкой на Св. Писание: «*Власть Бог дает ему же хочет, а гордости безмерной всякой Бог противник*». Долго шли препирательства, кто раньше снимет шапки и сойдет с лошадей. Шапки первыми сняли литовцы, но зато их пристав Ян Свирский говорил от короля речь, сидя на лошади.

Для Речи Посполитой было принципиально важно, чтобы переговоры с дипломатами Ивана Грозного проходили бы на захваченной российской территории. Это бы означало признание Батория господином, завоевателем, *«попленившим Русскую землю»*. Поэтому Сицкий с товарищами стремился заехать подальше в Литву, и отказывался возвращаться обратно, несмотря на то, что Стефан назначил прием посольства «за рубежом». Сицкий заявил, что *«нам ко государю вашему в государя нашего землю идти невозможно»*. Литовцы пытались устроить переговоры хотя бы на границе, в волости Сурожики. Русские послы встали на пустоши в семи верстах от Сурожики и наотрез отказались ехать дальше. Их запугивали голодом (*«хотите, и з голоду помрете»*), арестом и доставкой к Стефану силой. Этого Сицкий с товарищами, прошедшие суровую школу жизни при дворе Ивана Грозного, не боялись. Но на них подействовала угроза, что, если переговоры сорвутся, именно Сицкий будет виновником этого. А вот такого исхода царь бы не простил. 22 августа, полдня упрямо простояв на пустоши, послы все же поехали к Сурожику.

Между тем масштаб боевых действий ширился. Еще в середине августа под Луками состоялись первые стычки русских войск с передовыми отрядами армии Речи Посполитой под командованием Вольминского. 26 августа под стены Великих Лук, ключевой русской пограничной крепости на западном направлении, подошла вся армия Батория. Горожане сожгли посад, хотя он и был укреплен, и укрылись в детинце. С высокого холма на чужеземцев угрюмо смотрели «мохнатые» зелено-желтые стены и башни: по примеру Велижа все укрепления Великих Лук были покрыты толстым слоем дерна.

Сицкий с товарищами тоже двигались к Великим Лукам, где король обещал им аудиенцию. Дипломаты шли в окружении вражеских войск, с нарастающим чувством кошмара и близящейся катастрофы: то их на дороге потеснит полк *«подольских людей»*, то дипломаты вынуждены ехать сквозь строй королевского сторожевого полка, *«и как послы мимо ехали, и гайдуки почали стреляти из ручниц возле лошадей посольских, многие пыжи падали на послов»*. Московиты попали в *«затор великий»* на дороге, смешались с войсками, насилу вырвались из враждебной, агрессивной толпы. В ответ на жалобы на неуважение к дипломатическому статусу им сказали, что, если хотят ехать — пусть

сами прорубают себе путь через леса в стороне от дорог, по которым маршируют королевские войска.

После всех этих злоключений 27 августа Сицкий с товарищами оказались в 10 верстах от Великих Лук, возле стана Батория. На первом же приеме у короля 29 августа русские дипломаты храбро выступили с заявлением: Иван IV велел послам *«править посольство»* в литовской земле, а Стефан их *«не дождался»*. Поэтому королю надлежит уйти обратно в свою землю и там смиренно ждать приезда московских дипломатов. Ничего, кроме усмешек, подобная позиция не вызвала. Послов отправили на подворье, где продержали несколько дней, не вызывая ко двору. А 1 сентября на глазах потрясенных москвитов началась бомбардировка Великих Лук.

Сицкий пытался остановить штурм. Он отказался вести переговоры, пока не будут прекращены боевые действия. Но поляки и литовцы были в эйфории от успехов, и встретили отказ русских кто с глумлением, кто с безразличием: все равно, мол, эти москвиты обречены. Видя, что на его демарш никто не обращает внимания, 3 сентября князь объявил о своем желании вернуться за стол переговоров.

Правда, дальнейшее поведение Сицкого было странным. Оно демонстрирует, насколько русские дипломаты были несвободны в принятии самостоятельных решений, скованы должностными инструкциями, которые часто устаревали за то время, покуда посол ехал к месту назначения. Московские посланники под грохот бомбардировки Великих Лук выдвинули требования: возврат Полоцка, вывод всех польско-литовских войск из Ливонии и Курляндии. Однако затем степень претензий была снижена — послы *«просили тебе, государю, твоих государевых городов»*: Великих Лук, Невеля, Велижа. Узнав, что литовская армия только что взяла Заволочье, стали *«просить»* и его. Взамен русская сторона предлагала города в Ливонии: Ленненварден, Ашераден, Берзон, Зессвеген, Шваненбург, Роннебург, Трикатен. Король не стал вести переговоры, а, выслушав послов и убедившись, что они не привезли никаких принципиально новых предложений, уехал к Полоцку. При этом король всячески демонстрировал свою враждебность: при прочтении царского титула не встал, *«поклона ему не приказал»*, а паны с послами говорили *«с высокомерьем»*.

Паны выдвинули целый перечень претензий. Иван IV не пишет Стефана Батория братом (*«а ныне наш государь обранный многим народом, да еще дородный государь, и он почему московскому государю не брат?»*). Россия — агрессор, хочет оставить за собой Ливонию или ее часть. Москва не реагирует на мирные инициативы Вильно, хочет затянуть и запутать переговорный процесс. Паны обозначили территориальные претензии Стефана Батория: Великие Луки, Псков, Смоленск, северские города, Ливония. Условием снятия осады с Лук и заключения мира паны назвали передачу Речи Посполитой Новгорода Великого, Великих Лук, Торопца, Пскова, Смоленска, Северной земли, всей Ливонии и Полоцкого повета. Русская же сторона была готова вести переговоры о разделе Ливонии, даже с уступкой при этом части русских земель. Но царь не желал полностью лишаться своих прибалтийских владений, и уж тем более Новгорода, Пскова и других русских городов. Переговоры зашли в тупик, и судьбу Великих Лук решила сила оружия.

Как проходило взятие Великих Лук? Оно началось с ряда мелких стычек у стен крепости: то немецкие наемники сумеют перехватить вышедший за крепостные стены московский отряд, то в русскую засаду попадут венгры во главе с самим Борнемиссой, и он будет спасаться бегством. Русские воины успели схватить его за епанчу (плащ), но он ее сбросил и продемонстрировал умение очень быстро бегать.

Обороной города командовали воеводы Ф.И. Лыко-Оболенский, М.Ф. Кашин, И.В. Воейков. С торопецкого направления на помощь Лукам был готов выступить отряд В.Д. Хилкова и Д.И. Черемисинова. Осажденные вели себя активно, постоянно предпринимали вылазки. Между тем, вокруг города были возведены осадные укрепления, размещены на позициях орудия. Командовать всей артиллерией под Луками Стефан поручил Борнемиссе, польской пехотой — Николаю Уровецкому, строительством осадных укреплений — Петру Клочевскому.

Артиллерийская дуэль продемонстрировала правильность действий защитников Великих Лук: толстый слой дерна делал всю стрельбу по стенам абсолютно неэффективной (видимо, в Велиже был просто тонкий дерн). Поэтому пушкари Батория сосредоточили огонь на бойницах башен. Две башенки загорелись, правда, огонь дошел только до стен и там затух в слое мокрого дерна. Увидев пожар, на штурм устремились венгры, их встретила вылазка русских. С потерями обе

Городищенский холм Великих Лук

Остатки крепости XVI в. укрыты за перестроенными валами петровского времени.

Фото А. И. Филюшкина

стороны отступили в свои боевые порядки.

Ночью противник сумел подвести к одной из башен пороховую мину, и на рассвете ее взорвал. Сама башня уцелела, но взрывом разметало дерновую защиту. Весь день поляки и венгры пытались огнем зажечь башню и ближайšie стены, а также истребить как можно больше защитников Великих Лук, под огнем неприятеля самоотверженно тушивших пожар. Так закончился второй день осады.

К началу третьего дня стало ясно, что артиллерия Батория постепенно берет верх: многие русские орудия замолчали, были подбиты. Теперь враг мог подобраться к стенам, не встречая плотного огня. Теперь пресловутый дерн мог сыграть дурную шутку: по нему, втыкая в землю заступы и крючья, было бы гораздо легче лезть на стену. Однако штурм, предпринятый польской пехотой под командованием Луки Сирнея на нескольких направлениях, был отражен с большими потерями для наступавших.

На следующий день под личным руководством Замойского солдатам удалось подобраться к стенам, проковырять дерн и устроить огромный костер у подножия укреплений. В яму для разжигания пламени бросались смолистые деревья. Башня крепости упорно не загоралась, но наполнилась едким дымом, и защитники оказались вынуждены ее покинуть.

Теперь Замойский начал переговоры с осажденными об условиях сдачи. Гарнизон Великих Лук охотно прислал парламентариев, поскольку это означало передышку. В ночь с 5 на 6 сентября произошли не совсем ясные события. Гейденштейн пишет, что ближе к рассвету, когда к стенам крепости уже прибыл король для решающих переговоров, на вал стала карабкаться огромная толпа обозников, маркитантов и других низших чинов, не участвовавших в штурмах, но желавших всласть помародерствовать во сдавшемся городе. Одновременно произошла яростная атака венгров, которые сумели ворваться в город. Гейденштейн оправдывает это вероломство тем, что, мол, венгры были оскорблены появлением мародеров, и поэтому поспешили взять город, чтобы он не достался тем, кто в осаде и не участвовал. Но почему тогда гнев венгров оказался обращен не против обозников, а вылился на жителей города? Наемники вовсе не разгоняли зарвавшихся маркитантов, а вместо этого ворвались в город и начали резать направо и налево...

Стефан отдал Великие Луки победителям: несколько часов войска Речи Посполитой могли делать в нем все, что заблагорассудится: грабить, мародерствовать, насиловать и т.д. Армия «красивейшей в Европе цивилизации» учинила страшную резню, в которой погибло более семи тысяч русских мирных жителей, в том числе женщин и детей. Современники писали, что копыта польской конницы, маршировавшей по улицам города, тонули в человеческой крови, которая ручьями текла по мостовым. Правда, грабеж и насилие вскоре оказались прекращены самым неприятным для солдат образом: из-за начавшихся в городе пожаров взорвались пороховые склады. Тем самым была восстановлена некоторая справедливость: при взрывах погибло немало мародеров.

«Хотим мира, но войны не боимся»: Наращение противостояния в 1580–1581 гг.

После падения Великих Лук Баторий послал несколько отрядов провести разведку боем под Торопцом, где стояли полки Хилкова. В бой опять пошли наемники: венгерская кавалерия Георгия Барбелия, немцы Юргена фон Фаренсбаха, отборная польская конница под началом Ивана Збаражского. Русские войска при приближении неприятеля стали отступать к Торопцу, оставляя перед собой небольшие отряды-заслоны в 1000–4000 человек. Отступление вскоре переросло в бегство, особенно когда недалеко от города оказался разбит довольно крупный русский отряд. В плен попали его командиры Д. И. Черемисин и Г. А. Нащокин. Торопчане сожгли посад и изготовились к осаде.

Филон Кмита с литовскими людьми тем временем попытался повторить свой недавний успешный рейд под Смоленск, но был разбит и спешно ушел обратно к Орше, бросив артиллерию и убив всех пленных, которых успел захватить до столкновения с русскими войсками. Днепровские казаки Ивана Оришовского одновременно напали на окрестности Стародуба и подвергли их большому опустошению.

Следующий целью Батория был Невель. Его безуспешно осаждал литовский отряд Николая Дорогостайского. Баторий приказал идти на подмогу венграм Борнемиссы, а сам планировал лично выступить к Невелю 30 сентября 1580 г. Но город пал так стремительно, что сам король даже не успел сняться со стана. Венгерские солдаты и тут оказались на высоте. Был применен уже ставший традиционным прием: подведение траншей под стены крепости и поджог укреплений с помощью факелов или костров. Этого хватало, чтобы осажденные тут же начинали просить сдачи на милость победителя.

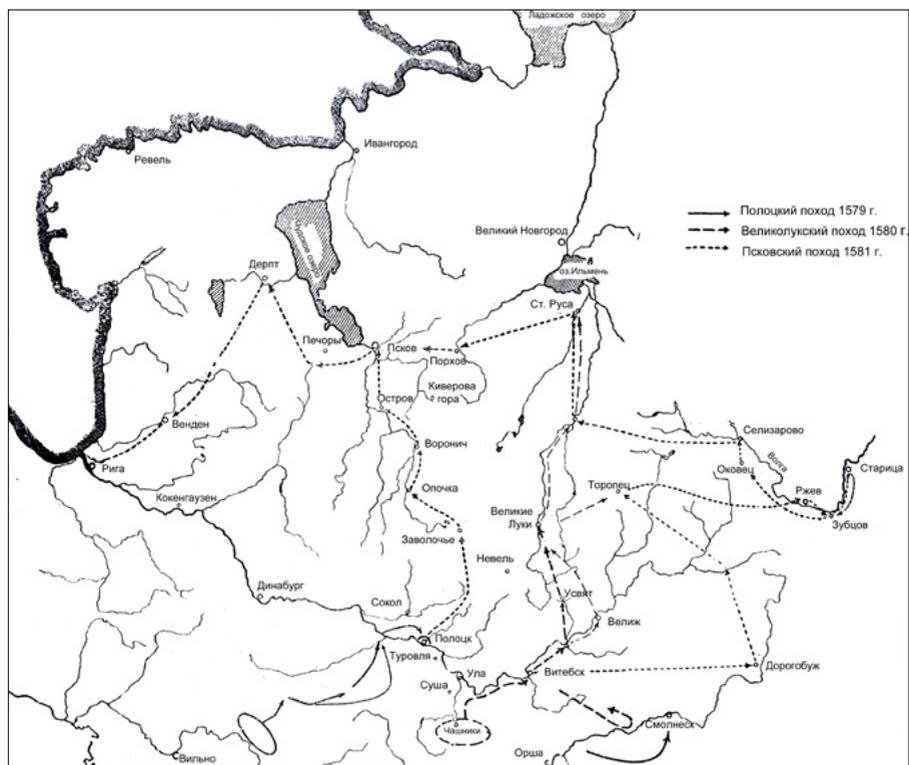
После Невеля пришел черед Озерищ и Заволочья. Озерище, расположенное в 50 км от Невеля, не приняло боя и объявило о своей добровольной сдаче уже при подходе неприятельских войск. Гарнизон Заволочья, крепости, расположенной на острове, со всех сторон окруженном водою, надеялся отсидеться в осаде. Воевода В. Ю. Сабуров даже не отвечал на выстрелы неприятеля. Крепость высилась над водой и мрачно молчала. Единственным знаком решимости стоять до конца была демонстративная казнь на глазах литовского войска двух пойманных фуражиров. Русские зарубили их на гребне крепостной стены и сбросили вниз.

Вид острова с остатками валов крепости Заволочье с озера

Фото А.И. Филюшкина

Между тем, стены Заволочья не были укрыты дерном, а только обмазаны глиной. От зажженных стрел и факелов это могло спасти, а от ядер — нет. Замойский расположил войска на соседнем острове. Николай Уровецкий со своими людьми построил огромный плот, на котором можно было десантировать к стенам крепости большой отряд. Кроме того, Замойский приказал солдатам собрать со всего лагеря шерсть (в основном из лошадиных попон), набить ее в мешки и прикрепить мешки к кольям. Целый частокол этих кольев специальные люди несли впереди наступавшего литовского отряда. Воины Замойского из-за близости к крепостным стенам оказались вне досягаемости орудий — пушки не могли стрелять под таким углом. Зато с близкого расстояния огонь русских пищалей и ружей мог быть убийственным. Теперь же пули попадали в мешки с шерстью, застревали в них, и выстрелы не представляли для нападавших серьезной угрозы.

Карта походов армии Батория в 1579–1581 гг.*

Однако переправы не получилось. Только часть литовских войск успела погрузиться на плот, как солдаты, державшие его на берегу, отпустили веревки и кинулись в укрытия от огня русских. Защитники Заволочья уничтожили тех, кто остался на плоту, и пытались его захватить, но течением его отнесло к другому берегу озера, и он опять достался осаждавшим.

Замойскому стоило немалых трудов уговорить солдат повторить атаку: литовцы, уstraшенные судьбой погибших товарищей, наотрез отказывались идти на плот. Положение спас Николай Уровецкий, который храбро погнал плот под стены Заволочья и сумел укрепиться на другом берегу. Тем временем венгры яростно атаковали крепость по наведенному мосту и замешкались только уже у самых стен,

* Карта составлена А.И. Филюшкиным с использованием карты в книге: Кос L. Szlakiem Batorego (Wojna Moskiewska 1577–1582). Wilno, 1926.

Корела. Башня крепости (конец XVI в.)

Фото А.И. Филюшкина

у палисада — заграждения из острых кольев, врытых тупым концом в землю. Тут осажденные сделали вылазку и изрубили венгерский отряд топорами. Штурм провалился.

Батерий прислал на подмогу еще 900 польских всадников и 1000 венгерских пехотинцев. Замойский отобрал у местных монахов большую лодку, с которой они ставили в озере сети для рыбной ловли, приказал нарастить борта и обтянуть их сырыми воловьими кожами. Получилось боевое судно, способное нести почти 80 человек. Штурмовой отряд был собран из отборной польской шляхты, которая спешилась с коней, немцев и венгров. Атака была произведена одновременно с плота, с большого судна и нескольких мелких лодок. После нее Заволочье пало, гарнизон сложил оружие. На этом великолукский поход армии Батерия был закончен.

Но черные военные дни для России продолжались: в Прибалтике и Карелии наращивали свое наступление шведы. В ноябре 1580 г.

Монастырь Падис
Фото А. И. Филюшкина

главную русскую карельскую крепость Карелу взял отряд под командованием Понтуса Делагарди. При штурме и устроенной после него резне погибло более 2000 русских. В Северной Эстляндии шведы вели блокаду крепости Падиз, защищаемой гарнизоном под началом воеводы М. Чихачева. Осажденные претерпели страшный голод, съели всех лошадей, собак, кошек, сено, солому, кожи, некоторые тайком попробовали есть человеческое мясо. В декабре 1580 г. изнеможенный гарнизон не выдержал второго штурма и сдал город.

Русское посольство все это время было вынуждено ездить в королевском обозе и ловить печальные новости о взятии русских крепостей. 8 октября они прибыли под Невель, где 11 октября к ним с новым государевым наказом вернулся Н. Суцев. Он привез царский ответ на грамоту, посланную с Г. М. Лозовицким.

Иван IV хвалил московских послов, которые стояли на страже интересов своего государя, честно выполняли его поручения, и возлагал всю

вину за неудачу переговоров на агрессивные действия Стефана: какие вообще могли быть переговоры под стенами осажденных Великих Лук? Однако логика царя вновь была поистине иезуитской. Он применял свой излюбленный прием, выворачивая наизнанку мысли Стефана и таким образом возводя на короля обличения и обвинения. Конечно, переговоры не удались, писал Грозный. Я же говорил, что первыми должны были приехать литовские послы с условиями, которые угодны королю. А Баторий потребовал, чтобы первыми приехали московские дипломаты, и вот результат: *«Без твоих послов немочно доброму делу статися, потому что мы с своими послами что прикажем, а тебе то дело не полюбитца»*. Задержка в отправке русского посольства произошла опять-таки из-за требований Стефана, чтобы оно приехало первым: посольская служба, привыкшая, что сначала приезжают литовцы, просто оказалась неготовой к отправке *«великих послов»*. Грозный заявлял о своей готовности идти на определенные территориальные уступки, но не сразу, а после длительных переговоров.

Послание содержало ряд предложений, на которых Иван IV был готов заключить мир. Царь признавал братский статус Стефана. Титул *«Лифлянский»* включался в состав владетельной титулатуры обоих государей, но *«безимянно»*, то есть без указания на статус владельца Ливонии (король, князь и так далее). Баторий возвращал Великие Луки, Велиж и Невель (его падение царь предвидел). Взамен он получал в Ливонии Кокенгаузен, Ашерраден, Ленненварден, Кройцбург, а на русско-литовском пограничье — Усвят и Озерище. Вопрос о Полоцке замалчивался. Более подробные предложения о территориальном разделе, как говорилось в грамоте, выскажут царские послы, получившие об этом все необходимые инструкции.

12 октября начался новый раунд переговоров. Литовскую сторону представляли Остафий Волович, Стефан Збаражский и Криштоф Радзивилл. Послы довольно быстро перешли к более масштабным уступкам, чем было обозначено в царской грамоте: они передали Стефану готовность Грозного *«поступиться»* рядом ливонских городов, а также Усвятом, Озерищами, Великими Луками и Велижем. Взамен Россия хотела сохранить за собой Полоцк и часть Ливонии.

Стефан же заявил, что эти города он готов взять только в уплату за временное перемирие, приостановку боевых действий и вывод

польско-литовских войск с территории Московского государства. После чего переговоры будут продолжены, и война закончиться только после оставления русскими всей Ливонии. В обмен на Ливонию король готов вернуть Великие Луки, Невель и Заволочье. Эти предложения оказались неприемлемыми для Сицкого, и 15 октября 1580 г. переговоры вновь завершились безрезультатно.

Баторий с войсками ушел к Полоцку, за ним в обозе повезли посольство. По дороге русских дипломатов грабили, снимали с них одежду, бесчестили, отбирали лошадей. Почти месяц Сицкий с товарищами не получали корму и голодали. Только 13 ноября, по прибытии в г. Крево, им выдали положенные продукты. 18 ноября посольство перевели в с. Трабы, а 19 ноября — в Мстибогов. 28 января 1581 г. послов перевезли в королевское село Станиславово под Варшавой.

Но встречи с королем и панами в Варшаве ничего принципиально нового в переговорный процесс не привнесли. Стороны говорили на разных языках. Представители Речи Посполитой предъявляли список преступлений московитов и требовали максимальных уступок. Русские послы строго соблюдали полученные от царя инструкции, демонстративно после долгих и тяжелых дебатов *«уступая»* каждый тур переговоров по одному — два города в Ливонии. Польско-литовская сторона аргументировала свою позицию обращением к высоким идеалам: война идет за освобождение Отчизны, и нельзя уступать тирану и агрессору. Русская — апелляцией к великодушию государя, который во имя мира готов поступиться несколькими крепостями в *«своей вотчине Ливонии»*.

Приехавший со свежими инструкциями от царя Р. Клементьев предложил перемирие на полгода по принципу «кто чем владеет», с передачей Речи Посполитой еще и Вольмара, Розиттена, Лудзена, Мариенгаузена. Паны в ответ выдвинули два аргумента: Стефан обязан вернуть Ливонию, поскольку это его предвыборное обещание; и Ливония должна принадлежать Польше, поскольку у них *«одна вера»*. Стороны вновь говорили на разных языках и каждая о своем. 18 февраля посольство Сицкого вместе с Р. Клементьевым отбыло из Варшавы.

Помимо дел посольских, начало 1581 г. было ознаменовано ранними и интенсивными боевыми действиями. В феврале 1581 г. отряды Мартина Курца и Габриэля Голубка взяли город Холм. Филон Кмита,

Везенберг (совр. Реквере)

Фото А.И. Филюшкина

ставший комендантом Великих Лук, выжиг Старую Русу и уничтожил находившиеся в ней солеварни. Наступление велось и в Ливонии, где против московитов теперь вместе с поляками и литовцами воевал герцог Магнус. Был взят замок Шмильтен и разорены окрестности Юрьева Ливонского. В начале 1581 г. в Ливонию также вторглись шведские отряды Понтуса Делагарди. В марте после длительной бомбардировки шведам сдался Везенберг.

Россия отвечала отдельными мелкими контрударами, с инициативой которых в основном выступали местные воеводы. В марте 1581 г. из Можайска был совершен успешный поход на окрестности Дубровны, Орши, Могилева, Шклова. С пленными и добычей полки ушли к Смоленску.

10 марта 1581 г. вернувшийся из Речи Посполитой Р. Клементьев привез грамоту от Стефана, датированную 14 февраля 1581 г. Король указывал, что переговоры заходят в тупик: стороны пишат друг другу,

что хотят «братства и приязни», «доброе дела» и «доброе пожитья», между странами ходят гонцы. А вот поступки Ивана IV далеки от этой демонстрации добрых намерений. Пока царь не освободит Ливонию, «покой статься не может». Поэтому любые переговоры бессмысленны, если Грозный не внесет конкретных предложений и не покинет ливонскую землю.

Привезенные с Клементьевым грамоты русских дипломатов передавали ряд слухов, собранных ими в качестве разведывательных данных. Послы собрали сведения о трех вариантах направления будущего удара Стефана: на Новгород, на Смоленск и на Псков. Датой выступления называлось 13 мая, а наиболее вероятной целью — Новгород (как выяснилось впоследствии, это оказалось дезинформацией). В русских городах появились литовские лазутчики: в Смоленске их поймали, а из Пскова шпион успешно вернулся, насчитав 8300 дворов.

При этом послы утверждали, будто бы Стефан разослал по всем землям «листы» с вопросом, воевать с Москвой или мириться. Большинство земель на войну идти не хотят, и денег давать не желают. Даже Турция требовала от Батория мира с Москвой, потому что хотела послать польские и литовские войска воевать для своих целей. Однако на совещании в Гродно гордые литовские паны потребовали от короля победы. Причем, что интересно, теперь зачинщиками войны названы недавние сторонники Москвы: Остафий Волович и другие, которые «против земли идут».

На совещании царя с Боярской думой в марте 1581 г. было решено уступить королю по многим пунктам. В грамоте к Баторию от 17 марта 1581 г., отправленной с гонцом Г. Кабардеевым, в титуле Грозного опущены «Полоцкий» и даже «Лифлянский»! Иван IV выражал свое согласие первым отправить в Речь Посполитую больших послов с просьбой о мире. В наказе гонцу Кабардееву в случае бесчестья было велено «о том слегка говорить, а прытко не говорити, терпети». Все это сильно смахивало на то, что царь начал смиряться с мыслью: эту войну он проиграл.

Большое московское посольство должны были возглавить О. Пушкин, Ф. Писемский и дьяк И. Андреев. Оно выехало из Москвы 15 апреля 1581 г. и должно было в Смоленске дожидаться возвращения Кабардеева с ответом Стефана. Царь решил прибегнуть к приему, уже испытанному в 1570-е гг. на переговорах с Крымом, когда Девлет-Гирей

требовал Астрахань. Царь теперь не отрицал теоретической возможности вывода русских войск из Ливонии, но велел говорить, что это — «дело великое», его нельзя решить быстро и без заключения соответствующего договора.

В наказе О. Пушкину содержались специальные инструкции, что делать, если во время переговоров начнутся боевые действия. Москва боялась повторения унижений, пережитых под Великими Луками посольством И. А. Сицкого. Если Стефан нападет на Смоленск, то дипломатам было велено срочно бежать в Вязьму. Если же повториться история Сицкого, и послов просто завезут с армейскими обозами под какой-нибудь русский город, осаждаемый литовцами, то Пушкину надлежало произнести перед королем специально включенную в наказ речь, чтобы Стефан «из земли государя нашего пошел вон». Никаких переговоров, пока говорят пушки, не вести.

4 мая Кабардеев вернулся из Речи Посполитой. Он привез грамоту от Стефана, в которой выражалась готовность принять русское посольство. На его прибытие отводилось шесть недель. Примечательно, что Баторий, видимо, мстя за прошлые унижения, Ивана IV «*братом*» не назвал. Король ожидал от посольства О. Пушкина решающих переговоров и заключения мирного договора, и выражал надежду, что дипломаты получили соответствующие полномочия. 9 мая 1581 г. Пушкин и Писемский двинулись за рубеж.

Наказ посольству Пушкина предусматривал несколько вариантов уступок, на которые была готова пойти Россия во имя прекращения войны. Вечный мир исключался, поскольку царь надеялся в будущем взять реванш. Предполагалось лишь временное прекращение огня. По первому сценарию дипломаты должны были сперва предложить перемирие на условиях признания прав Речи Посполитой на 15 ливонских городов. Если Стефан не согласится, добавить к списку еще три, а также Усвят и Озерище. Но это уже при условии возврата королем Великих Лук, Невеля, Заволочья, Велижа и Холма. В дальнейшем предполагалось добавлять по несколько городов каждый тур переговоров. Наотрез не отдавать Юрьева, Лаиса, Кирумпэ, Адзеля, Мариенбурга, Нейшлосса, Нарвы. Однако, если переговоры зайдут в тупик, ехать на подворье, три – четыре дня обождать, и предложить обменять Юрьев Ливонский и соседние с ним города на Великие Луки, Невель,

Заволочье, Велиж, Холм. По последнему варианту за Москвой в Ливонии оставались только Нейгаузен, Нейшлосс, Этц и Нарва.

Вторым сценарием, если переговоры окажутся на грани срыва, было заключение короткого, от полугода до двух лет перемирия по принципу «кто чем владеет», или прекращение огня хотя бы на период переговоров.

Третьим сценарием было добиваться перемирия на 5–7 лет на условиях возврата Руси Холма, и передачи Речи Посполитой Великих Лук, Озерища, Заволочья, Велижа, Невеля и Усвята, и восьми городов в Ливонии. Если паны затеют торг, то «*поступаться на три меры по одному городу*» в такой последовательности: Адзель, Розиттен, Мариенгаузен, Вольмар, Роннебург, Трикатен, Гапсаль, Лоде, Феллин, Пайда, Тарваст, Пюркельн.

24 мая 1581 г. посольство О. Пушкина прибыло в Вильно, 26 мая начались переговоры со Стефаном и панами рады (продлились до 4 июня). Пушкин с товарищами оказался сразу же поставлен в жесткие условия. Паны заявили, что если в наказе нет пункта об уступке царем всей Ливонии, то и говорить не о чем, послы могут ехать домой. Поэтому все попытки торга, постепенных, город за городом, уступок в Ливонии, на чем, собственно, и были построены инструкции Пушкину, провалились. Кроме Ливонии, Речь Посполитая требовала еще Псков, Смоленск, Северскую землю и денег на покрытие затрат всего польско-литовского войска. Мол, мы трудились, вас завоевывали, теперь пусть за ратный подвиг платят побежденные!

Однако затем претензии были снижены до 400 000 золотых угорских для войска и передачи Себежа. Если для русских отдать Себеж будет слишком трагическим событием, тогда в качестве альтернативы его можно сжечь, а Стефан в ответ велит сжечь Дриссу. При этом Себежские и Дрисские земли включаются в Полоцкий повет. Если этого не сделать, утверждали паны, то продолжаться постоянные стычки себежских, дрисских, полоцких людей и казаков. В титулатурном вопросе литовцы предложили компромисс: они признают включение в титул Грозного «*Смоленский*», а москвиты — в титул Батория «*Лифлянский*».

На последний пункт Пушкиным был дан безоговорочный отказ, однако, поскольку по остальным вопросам переговоров не получалось,

2 июня было решено отправить гонца в Москву за дополнительными инструкциями. Одновременно выехал и посол Батория, Криштоф Держек, который должен был довести до русского царя требования Речи Посполитой. На это время посольство Пушкина перевели в Крево, а затем в Марков. Дипломатов возили по разным городам и селам почти месяц, с 15 июня по 15 июля, когда, наконец, из Москвы прибыл гонец с новым наказом.

21 июня 1581 г. в Москве начались переговоры Держка с И.Ф. Мстиславским, Н.Р. Юрьевым и дьяком А.Я. Щелкаловым. Посол привез несколько грамот от Стефана Батория, адресованных Ивану IV. Они содержали призывы к перемирию. Обвинения в затяжке переговоров возлагались на русскую сторону, ведущую мелочный торг за каждый ливонский город. Баторий торопил с переговорами, утверждая, что ему тяжело сдерживать своих воинов, рвущихся в бой, от них в Великом княжестве Литовском *«шкоды»*. Если Москва продолжит тянуть время, Стефан двинет войска к границе, и тогда *«шкоды»* будут уже Русскому государству.

На заседании царя с Боярской думой было решено поступиться еще одной частью русских и бывших литовских городов в обмен на удержание за собой части Ливонии. Титул *«Лифлянский»* предлагалось включить в титулы и Ивана, и Стефана. Более подробно условия раздела территорий были изложены в дополнительных инструкциях посольству О. Пушкина от 29 июня 1581 г., отправленных с гонцом И. Комыниным. Пушкину предписывалось сперва предложить вечный мир, на условиях раздела не только Ливонии и района Полоцка — Великих Лук, но и земель Среднего Поднепровья. Если же Стефан не согласится на глобальную перекройку границ, то заключить перемирие на семь лет с разделом только Ливонии и района Полоцка — Великих Лук. Примечательно, что в отличие от предыдущих наказов ни о каком торге, о предложении на переговорах с литовцами добавлять в качестве уступок по одному — два города, уже речи не было. Пушкин должен был предложить либо мир, либо перемирие на русских условиях. Если король против — то царь войны не боялся.

Держек был отпущен 30 июня 1581 г. Посланная вместе с ним с гонцом И. Комыниным грамота Ивана IV не была похожа на обращение правителя, желающего заключить мир. Основной идеей послания

было противопоставление истинного христианского государя, Ивана IV, Стефану Баторию, ставшему государем *«не по христианскому обычаю»* и, соответственно, ведущего себя, как не подобает настоящему монарху. Баторий назван *«государем хуже бусурманских»*, потому что он является виновником войны и пролития христианской крови. Если выполнить условия короля — отдать ему и Ливонию, и пограничные города, и еще деньги, то Речь Посполитая усилится настолько, что сможет завоевать Русь и обязательно нападет на нее. Так зачем тогда мириться, гневно вопрошал Грозный. Он сравнивал Батория с варваром, с легендарными царями древности — гонителями на христиан.

Непонятно, на что тут рассчитывал царь. Ясно, что рассчитывать на раскаяние Батория в *«нехристианских поступках»* было бы глупо. Видимо, верх взяли эмоции, желание побольше уязвить польского короля, если не получается победить его на полях сражений, унижить и оскорбить его в письме.

Послание Ивана IV доставил Стефану вернувшийся 15 июня 1581 г. гонец К. Держек. А 18 июля 1581 г. ко двору Батория прибыл посол О.М. Пушкин со списками русско-ливонских договоров 1509 и 1522 гг., которые должны были доказывать право русского царя за захват Ливонии. Пушкин также предлагал провести обмен пленными. Посол также привез обращение московских бояр (И. Ф. Мстиславского, Ф. И. Мстиславского, В. И. Мстиславского, В. Ю. Булгакова, Н. Р. Юрьева, оружничего Б. Я. Бельского, думного дворянина А. Ф. Нагого) к панам рад (Ю. Радзивиллу, Н. Ю. Радзивиллу, О. Воловичу, С. К. Збаражскому, К. Радзивиллу, Я. Кишке, М. Талвашу). Бояре напоминали панам об обычае, когда аристократы мирили государей и *«наводили»* их на мир. Всю ответственность за развязывание войны и срыв попыток ее прекращения московская знать возложила на короля Стефана, который чинил русским послам бесчестье и напал на пограничные города *«через крестное целование»*. Поведение Ивана IV названо соответствующим евангельским заповедям — царь, как истинный христианин, со смирением сносит вызывающее поведение, *«высость»* Стефана, и раз за разом предлагает ему любовь, братство, мир. Король же одновременно затевает переговоры и идет войною на исконно царскую вотчину — мыслимо ли такое? Панам предлагалось помочь Баторию одуматься, ходатайствовать о мире, *«чтоб всему народу христианскому к прибытку и к покою было»*.

Переговоров с новым московским посольством не получилось. Паны, ознакомившись с содержанием грамот Ивана IV, заявили, что весь разговор теперь надо начинать сначала. Посольство Пушкина обвинили в сознательном затягивании переговоров, чтобы «*королевскую рать изволочити*». 18 июня стороны нахвали свои условия заключения перемирия. Пушкин предлагал королю оставить у себя все завоевания в русско-литовском пограничье, от Полоцка до Великих Лук, в обмен на 36 городов в Ливонии. Тогда царь готов заключить перемирие на 6–7 лет. В ответ король пообещал, что будет воевать не только за Ливонию, но чтобы покорить все Русское государство. Казалось, что сбывается царское обещание полувековой войны России и Речи Посполитой. Никаких мирных перспектив в отношении двух стран видно не было. Посольство Пушкина было отправлено обратно в Россию. Только под Оршей 25 августа московитов догнал гонец М. Превозский. Он привез резкий ответ Батория на оскорбительное послание царя. Польский король принял вызов.

Иван IV встретил Превозского в Старице 8 сентября 1581 г. Гонец подал грамоту от Стефана и две книги. С ним также была грамота от панов рад к боярам, И. Ф. Мстиславскому с товарищами. Однако до переговоров с боярами Превозского не допустили. Царь прочел пространный ответ Батория и 15 сентября отправил гонца обратно в Речь Посполитую.

Царю было на что обидеться. В своем послании Стефан выступил с «*духовной бранью*» против Московита. Король заявил, что всеми миру известны «*поганские*» дела Ивана IV. Своей миссией как христианина Баторий считал вытягивание московского царя из болота грехов и заблуждений. При этом «*увязшего в трясине невежества*» Грозного король сравнивал с «*бессмысленной скотиной, ослом или волом*», который случайно угодил в болото. Но, сетовал Стефан, если осел и тот может выбраться из болота, то Иван Васильевич из-за своей «*гнюсности*» неспособен «*прозрети*» и «*извлечь из своих глаз бревно*».

Далее Баторий издевался над обращениями Грозного к Св. Писанию: «*Ты, яко правдивый чоловек, в которого устах псалмы беспрестанну суть...*», и сравнивал реальное поведение царя с провозглашаемыми Московитом христианскими принципами. Ты, царь, элементарных «*прав хрестьянских и побожных не разумеешь*». Все, что умеют русские государи — лгать, предавать, убивать, грабить. Грозный и его род объявлен происходящим из «*теста тиранского*», что Баторий

проиллюстрировал рассказом о том, как Иван III якобы вызвал мирных новгородцев на беседу и их коварно замучил. «Добывание Новгородца» король сравнил с дьявольским обманом: «Яко и чорт Адама и Еву яблоком частовал». Сам Грозный назван «Фараоне Московский», чье сердце «затвержено» для подлинного христианства. Король утверждал, что «терпел тебе Бог так долго», что царь этим соблазнился и думал, что так будет всегда. Но наступает час расплаты!

Москва была объявлена Стефаном удаленной от христианского мира. Московиты не участвуют в работе христианских церковных соборов. Их сфера общения — бусурманский мир, татары, ногаи и прочие неверные и язычники. Ни в одной стране, даже у язычников, правители так не издеваются над иноземными послами, утверждал король. Послание также содержало ряд прямых оскорблений, перед которыми меркли привычные ругательства Грозного. Баторий язвительно бросал в лицо царя: ты говоришь наяву или несешь бред, как пьяный? Или: «О никчемный человек, што то бредишь!». В конце письма Баторий вызывал Ивана IV на поединок — пусть мы в личном споре решим, кто из нас прав, Бог будет на стороне победителя. Если царь побоится принять этот вызов — то так ли он уверен в своей правоте?

Выслушав грамоту Батория, 15 сентября царь отпустил Превозского без традиционного приглашения к государеву столу. Гонец уехал в тот же день с царской грамотой, написанной «жестоко». Но посол не доехал до границы — его держали до 18 февраля 1582 г. в Можайске, ожидая возвращения нового русского посольства Д. Елецкого и Р. Алферьева, которое выехало в Ям Запольский заключать перемирие. После возвращения Елецкого 11 февраля с известием, что переговоры оказались результативны, у Превозского отобрали «жестоко» написанную грамоту к Стефану, вручили отписку — что, мол, раз «вышло доброе дело», грамота, «исполнена укоризненных и жестоких словес», не нужна. К сожалению, ответ царя Баторию не сохранился. А было бы интересно узнать, какие новые слова нашел Грозный, чтобы еще более «жестоко» отписать Стефану Баторию.

---

* Смысл этого названия — сравнение царя с библейским Фараоном, гонителем праведного богоизбранного народа. При этом Фараон закоснел в своем невежестве, и в проявлениях Божьего гнева («казнях египетских») не видел знака свыше.

«Русский Париж против всей Европы»: Осада Пскова Стефаном Баторием в 1581 г.

К кампании 1581 г., наступлению на Псков, Стефан Баторий готовился очень тщательно. Походы 1579 и 1580 гг. показали, что наиболее боеспособными частями, решившими исход практически всех крупных боев, являются наемные отряды из Венгрии и германских земель. Поэтому особое внимание было уделено доукомплектованию армии за счет нового набора в Венгрии, который вел брат Стефана Христофор Трансильванский. Прославившийся немецкий командир Ю. фон Фаренсбах вербовал в войска Речи Посполитой немецких наемников, ранее служивших в Голландии. Шляхтичу Николаю Уровецкому было поручено отобрать лучших воинов из польской шляхты для королевской пехоты. В состав армии вошли также отряд прусских воинов под командованием Варфоломея Бутлера, группа прусских добровольцев, отряд любекских немцев.

Россия не собиралась сложа руки ждать неприятельского вторжения. Поскольку было ясно, что следующей целью врага будет Псков, то ремонтировались его укрепления, завозилось снаряжение и боеприпасы. Под Смоленском был нанесен небольшой контрудар. Русские войска прошли по литовской территории и после нескольких боев с отрядами Криштофа Радзивила и Мартина Казановского вернулись обратно.

Решение о псковском походе было принято в августе 1581 года на военном совете Стефана Батория со шляхтой Польши и Великого княжества Литовского в недавно взятом городе Заволочье. Обсуждались три направления удара: смоленское, новгородское и дерптское. Падение Смоленска открывало путь к Москве, да и в памяти не зажила рана от его потери Великим княжеством в 1514 году. Однако крепость лежала вдали от стратегической цели Речи Посполитой — захвата Ливонии. Поэтому более соблазнительно было идти на Новгород, тем более разведка доносила, что местное дворянство *«волнуется почему-то против московского царя»*. Но город находился в глубине российской территории. Удар в направлении Дерпта мог решить ливонскую проблему, но в тылу при этом оставались основные базы московских войск — Новгород и Псков. Поэтому военный совет в Заволочье принял четвертый вариант: целью похода была намечена ближайшая русская пограничная крепость — Псков.

Городище Воронич. Крепостной вал

Крест на могиле русских воинов на городище Воронич
Фото А. И. Филюшкина

Городище Савкина Горка. Часовня и каменный крест

Здесь в 1581 г. шли бои с войсками Батория на дальних подступах к Пскову
Фото А.И. Филюшкина

8 августа армия Стефана вышла из Заволочья по направлению к Вороничу. Понимая, что удерживать столь разномастное войско в подчинении сложно, король первым делом издал указ об ужесточении воинской дисциплины. Пунктом, который вызвал наибольшее раздражение шляхты, был запрет уезжать домой, в свои имения, пока не кончатся боевые действия. Шляхтичи почуяли, что легкой прогулки не получится, но надежда на добычу гнала их вперед.

17 августа полки Станислава Тарновского и Николая Уровецкого, а также отряды венгров осадили крепость Остров — последнюю преграду на пути к Пскову. Были назначены польский и венгерский сектора атаки, началось строительство осадных укреплений. Город сдался через три дня, после того, как венгерские пушкари метким огнем проломили стену. Население дружно присягнуло захватчикам, опасаясь повторения великолукской резни. Причем собравшиеся под городом крестьяне кричали о своем желании немедленно принести клятву верности Стефану так громко, что Замойский принял поднявшийся

Крепостные башни Пскова в месте слияния рек Великой и Псковы

Фото А. И. Филюшкина

шум за начало нового боя, и примчался с конницей, чтобы усмирять мятеж.

25 августа армия Стефана подошла к Пскову, к которому еще раньше были отправлены передовые отряды и лазутчики. Город был готов к штурму — псковичи возвели дополнительные укрепления из бревен, насыпав между рядами бревенчатых стен землю, надстроили на каменных стенах деревянные башни, разместили на них артиллерию. Правда, пушек не хватало: в 1580 году Грозный решил, что Псков все равно не сможет противостоять неприятелю, и приказал снять со стен часть вооружения. К счастью, дети боярские успели демонтировать только часть тяжелой артиллерии, но до нового места назначения ее не довели — по халатности утопили в озере Ильмень. На том разоружение закончилось. После чего Псков срочно стали укреплять заново.

Вопрос о соотношении сил под Псковом спорен. Русские авторы, стремясь преувеличить масштабы подвига защитников города, говорят о 60–100-тысячной неприятельской армии против 17-тысячного

гарнизона. Европейцы же, стараясь оправдать свою неудачу, говорят о 57 тысячах русских против 30 тысяч солдат Батория. И те, и другие цифры, несомненно, преувеличены — все население Пскова в конце XVI века едва ли достигало 20 тысяч человек, а Баторию не удалось собрать под свои знамена более 25–30 тысяч.

Обороной Пскова командовали В.Ф. Скопин-Шуйский, И.П. Шуйский, А.И. Хворостинин и другие воеводы. В их распоряжении было около 7000 пехоты, отряды казаков и дворянской конницы. За оружие взялось все взрослое мужское население Пскова. В строительстве укреплений, подноске боеприпасов и продовольствия им помогали женщины и дети. Оборона Пскова была поистине всенародным мероприятием.

2 сентября армия Батория начала строительство осадных укреплений — шанцев. Здесь сразу же проявилась самая слабая сторона его войска — каждый наемный отряд воевал сам по себе (у всех были свои, национальные, командиры и даже судьи). При этом особо острое соперничество было между поляками и венграми — кто раньше войдет в Псков. На все приказы действовать сообща Стефан слышал ответ: *«Всякая кошка охотится сама по себе»*.

Осажденные не собирались отсиживаться в обороне, а сразу начали активно противодействовать противнику, который строил осадные укрепления вокруг Пскова. Первыми атаке подверглись венгры, разбившие свой лагерь у Покровской башни. Много потерь понесла польская пехота, которая из-за точного огня со стен даже была вынуждена отвести линию своих укреплений подальше от крепости. Из-за этого фронт осаждавших получился неравномерным: на передней линии находились венгры, а поляки располагались дальше от них.

8 сентября венгерские артиллеристы сумели проломить 24 сажени крепостной стены в районе Свинусской башни. Венгры требовали немедленной атаки, а ляхи совещались, нужно ли сначала достроить польские шанцы. Каждая из сторон хотела войти в Псков первой, рассчитывая на преимущество в дележе трофеев. Пока шло препирательство, в разведку послали 50 немецких и французских наемников. Они проникли в пролом и обнаружили, что за разрушенной каменной стеной русские построили деревянную и вырыли ров. С псковичами произошла стычка, в которой погиб французский офицер. К месту боя выдвинулись поляки во главе с Прокопием Пенионжком

и Андреем Оржеховским. Их отряд захватил Свинусскую башню, и Выбрановский и Сирней подняли над ней королевское знамя. Увидевшие успех своих соперников, венгры, не дожидаясь команды, атаковали и взяли соседнюю, Покровскую башню. Фома Держек и Матвей Керекеш вывесили над ней венгерский флаг.

Пока солдаты Стефана соперничали, кто больше знамен поднимет, за проломом собрались псковичи во главе с Иваном Шуйским, командиром гарнизона. Он скакал на раненой лошади перед рядами воинов и призывал их вышвырнуть захватчиков из Пскова. Епископ и священники пошли впереди войска, неся в руках иконы и киоты с мощами святых. На стороне осажденных была вся мощь ружейного и артиллерийского огня, в то время как поляки и венгры отвечали им бросанием копий. В результате контратаки псковичей противник бежал из Свинусской башни. При этом погибло более 40 знатных шляхтичей. В Покровской башне поляки и венгры продержались до вечера, но под покровом ночи тоже оставили занятые позиции. «Повесть о приходе Стефана Батория под град Псков» приводит потери сторон в результате штурма: у русских 863 убитых и 1626 раненых, у неприятеля — пять тысяч убитых и 10 тысяч раненых. Получил ранение и выбыл из строя командир польской пехоты Николай Уровецкий.

Провал штурма произвел на Батория удручающее впечатление. Стало ясно, что быстро и легко взять город не удастся. Военный гетман Ян Замоиский предложил отпустить ополчение домой, а под стенами оставить только наемников. Король отказался — это означало бы, что армия Речи Посполитой расписывается в собственном бессилии. Королевский секретарь Иоанн Петровский так описал в дневнике это решение: *«Господи, помоги нам! Мне кажется, что мы с мотыгой пускаемся на солнце»*. Поляк сравнивал Псков с Парижем (*«Какой огромный город, точно Париж!»*) и утверждал, что таких великих городов королевской армии давно не приходилось осаждать.

Советники Стефана выдвигали разумный план — взять соседние небольшие крепости Порхов и Гдов, тем самым совсем отрезать город от связи с Россией и добиться его сдачи измором. Но тут уже Баторий вслед за Грозным проявил «гордость и надутость»: он заявил, что *«это было бы недостойно нашего великого похода»*: города московитов надо брать красиво.

Но красиво не получалось. Уже первый штурм обнажил две основные проблемы: наметилась нехватка боеприпасов и ограниченные запасы фуража. Время работало против Стефана: чем дольше осада, тем больше надо платить наемникам, и тем труднее удерживать в повиновении дворянское ополчение. Шляхтичи просто начнут разбежаться по домам. Надо было быстрее брать Псков.

Началась подготовка к новому штурму. Было решено подвести подкопы под стены Пскова. Поляки вновь проиграли негласное соревнование венграм — два подкопа шляхтичей уперлись в скалу. Венгры же обошли каменную преграду, выведя траншеи на поверхность, прикрыв их плетнем. Но на этом успехи и закончились: 24 и 27 сентября русские провели свои контрходы и взорвали неприятеля прямо в подкопах. Русские источники говорят о девяти *«лазах»*, которые были ликвидированы.

Большие проблемы Стефану доставляли отряды московитов, пытавшиеся прорваться в Псков на лодках по реке Великой или на подводах из ближайших лесов. Стефану приходилось бросать значительные силы, и притом лучшие части (например, немецких наемников), чтобы они стояли сторожами в самых уязвимых местах. Кольцо осады оказалось дырявым, и периодически небольшие группы в несколько десятков человек проникали в крепость. Остальных рассеивали, но это привело к тому, что русские войска стали скапливаться вокруг кольца осады. Возникла угроза возникновения своеобразного слоеного пирога: в сердцевине Псков, вокруг польско-литовское и наемное войско, а по внешнему периметру — русские отряды.

Тем временем в Прибалтике произошли перемены, делавшие продолжение осады бессмысленным и опасным. По язвительному выражению Гейденштейна, *«шведский король извлекал выгоды из чужих побед»*. Нарвский гарнизон еще до начала боевых действий был переведен на защиту Пскова. Теперь шведы под командованием Понтуса Делагарди легко взяли незащищенную Нарву. Особую роль при штурме сыграли итальянские наемники во главе с Иеронимом Каньолом. Именно их атака оказалась решающей. Вслед за ней пали Ям, Копорье, Вайссенштайн, осажден Пернов — то есть перед Баторием нависла угроза потери Ливонии, причем не из-за нападения Грозного, а в результате действий недавнего союзника, Швеции!

Стефан приказал активизировать действия королевских войск в Ливонии, чтобы не вся она досталась шведам. Но их было мало. Основную ударную силу королевской армии составили полки предавшего Ивана IV датского герцога Магнуса. Он взял крепости Киремпе и Улцен. Удачно действовали и другие отряды: Пюркельн был взят Берингом, Салис — Фомою Эмбденским, Ленненварден и Ашерарден — Дембинским. В штурме двух последних крепостей участвовала рижская пехота и шотландские стрелки. Вслед за этим поляки, рижане и шотландцы под началом Дембинского осадили Кокенгаузен.

Другим событием, позже проникновенно воспетым польскими поэтами, был военный рейд в глубь России отряда Криштофа Радзивилла. Целью похода была месть за русские нападения на Могилевскую и Шкловскую области, однако он приобрел куда большие масштабы. Радзивиллу помогали части под командованием Филона Кмиты и Гарабурды. Под Торопцом они разбили отряд князей М. В. Ноздроватого и И. М. Барятинского, который шел к литовской границе. После этого литовцы прошли к Ржеву, Зубцовскому Яму и оказались в окрестностях Старицы. Война могла бы закончиться одним махом: в Старице в это время находился сам Иван Грозный, и при нем было всего 700 человек охраны. Радзивилл не решился штурмовать Старицу, хотя, в случае успеха, пленив или убив русского царя, он позволил бы Речи Посполитой гарантированно выиграть войну. Но пана смутили рассказы пленных о якобы большом русском войске, защищающем Старицу.

Гейденштейн так прокомментировал отступление Радзивилла: *«Когда нашим представлялась возможность совершить достопамятный подвиг, если бы они подошли к Старице, они вернулись назад, считая свои силы недостаточными в сравнении с войском, которым, предполагалось, была ограждена жизнь и безопасность могущественного монарха»*. Литовский отряд ушел к Дубне, прошел рейдом через окрестности Торопца, Старой Руссы, Опочки, и вернулся к основным силам.

Несмотря на небольшие практические результаты этого рейда, которые свелись к нескольким стычкам с московскими войсками, грабежу и захвату небольшого количества пленных, он имел колоссальное психологическое значение. *«Наша конница вышла к Волге!»* — наперебой писали польские газеты. Поэт XVI в. Ян Кохановский посвятил подвигу Криштофа Радзивилла поэму: «Поход на Москву». Радзивиллу

до Москвы остались сотни верст, но поэтическое преувеличение было на руку польскому военному командованию, резко возвышало авторитет Стефана Батория, его полководцев и всего *«посполитого рушанья»*.

Но вернемся к осаде Пскова. Иван IV не спешил помогать осажденным. Он строил свою тактику в расчете на главного союзника русских во все времена — «генерала Мороза». Царь был уверен, что, когда наступит зима, изнеженные европейцы побегут из России. И расчет оправдался: с первыми же заморозками в лагере армии Речи Посполитой под Псковом началось разложение. Участились случаи дезертирства, причем осаждавшие нередко бежали в... осажденный Псков. Там были отапливаемые дома, там было теплее, чем в насквозь продуваемых палатках в чистом поле. Свой протест королю подали литовцы: они поставили ультиматум, чтобы король немедленно заключил перемирие. В противном случае все литовские отряды покинут войско. Зимовать под Псковом они не намерены.

Запасы теплой одежды оказались ограничены, поэтому солдаты начали ее просто отнимать друг у друга, причем особенно свирепствовали венгры. Наемники постоянно требовали денег и плохо переносили отсутствие женщин, которых военный гетман Ян Замойский велел не пускать в лагерь. Когда два итальянца купили у казаков женщину, в лагере началось такое брожение, что командиры всерьез испугались бунта на сексуальной почве.

Попытки борьбы с нарушениями дисциплины только озлобляли воинов Батория. Замойский приказал привязывать шляхтичей, замеченных в пьянстве и гулянках, к позорному столбу, а тех, кто мусорит и гадит в лагере, бить палками. Дворянское происхождение не спасало от физического наказания, что аристократов страшно возмущало. Замойского ненавидели, и он платил взаимностью: чтобы унижить *«непотребное войско»*, гетман назначал для паролей обидные слова. Гейденштейн так описывает эту меру канцлера: *«Давая по военному обычаю пароль, Замойский большею частью избирал такие слова, что в них порицалась бездеятельность, трусость и праздность тех, которые спешили домой, или восхвалялось постоянство и твердость, качества достойные благородного человека; в двух-трех словах заключалось увещание перейти от уныния к терпеливости, если кто из них не был достаточно бодр»*. В ответ в лагере началось

распространение листовок, высмеивающих Замойского как «*схоластического ученого*». Войска роптали — пусть Грозный забирает себе Ливонию, лишь бы снять осаду. В армии гуляли слухи, что Стефан хочет разделить ливонские земли не между Польшей и Литвой, а среди своих трансильванских родственников. Исполненные негодования (за что воюем?!), воины из Великого княжества Литовского, составлявшие значительную часть войска Батория, 20 октября предъявили своему монарху ультиматум: у него есть 18 дней, чтобы либо заключить мир, либо одержать победу. Король решил побеждать.

Новый крупный штурм состоялся 29–30 октября. Удар был нанесен в районе старого пролома, заделанного деревянными палисадами. Лучше всех сражались венгры, которые опять сумели взойти на стену и частично ее разрушить. Но против них применили кипяток, горящую смолу и окованные железом бревна. Русские раскачивали их на цепях и с силой били ими в гущу солдат. Штурм провалился.

Помимо неудач под Псковом, немалое впечатление на армию Батория произвел провал осады Псково-Печерского монастыря, находящегося недалеко от города. Король отправил для его взятия лучшую часть войска — немецкий отряд Фаренсбаха. С ним была группа молодых представителей ливонской аристократии — Кетлеры, Тизенгаузен и т.д. Однако взявшиеся за оружие печерские монахи разбили и профессиональных немецких воинов, и ливонскую знать. Тогда под Печоры король послал венгров во главе с самим Борнемиссой. Это не помогло. Совместно венгерско-немецкий штурм, который поддерживали прицельным огнем шотландские стрелки, блистательно провалился.

В монастыре воодушевленное «черное воинство» горячо молилось Богу, видя в своих победах несомненную помощь Господа. В лагере Батория царило уныние: никто не мог смириться с мыслью, что за русских заступаются Небеса, но также ни у кого не получалось рационально объяснить, почему же профессионалы европейской выучки раз за разом были побиты мирными «служителями Господа», многие из которых взяли в руки оружие впервые в жизни.

Замойский, опираясь на сведения, сообщенные перебежчиками, составил следующий план действий. Было очевидно, что силой взять город не удастся. Остается одно — измор, долгая осада. Шпионы сообщают, что продовольствия в Пскове хватит до весны, где-то до мая

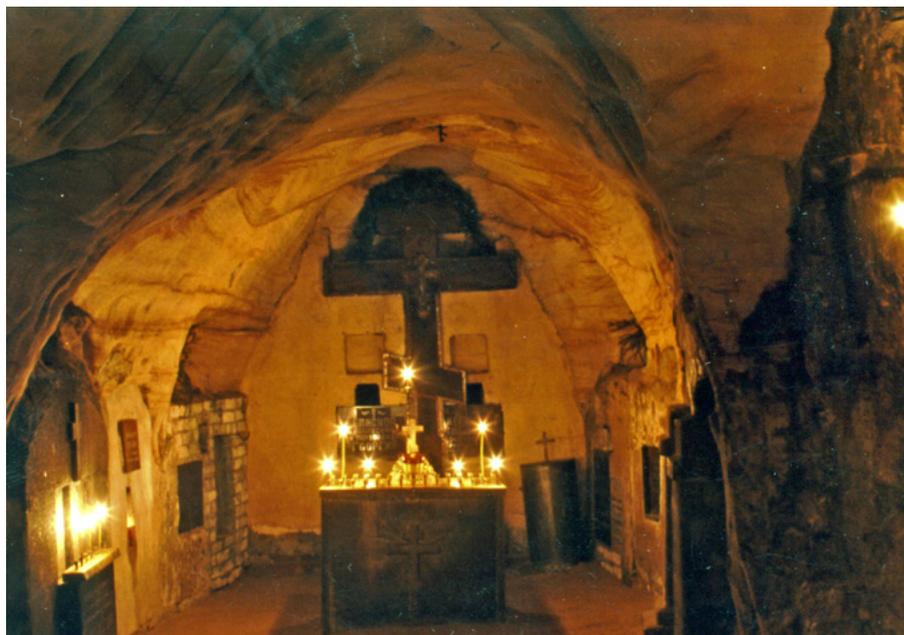

Псково-Печерский монастырь. Крепостные стены

Фото А. И. Филюшкина

месяца. Стало быть, войску предстоит провести под стенами русской крепости более полугода. Держать его в лагере целиком нереально — элементарно нечем кормить. Поэтому предлагалось распустить часть армии — кто-то, например, литовские и польские шляхетские ополченцы, уйдут до весны в свои имения, кто-то будет просто *«отпущен грабить»* в окрестные псковские земли. Ближайший удар нанести по Печерскому монастырю, а также соседним русским крепостям — Гдову, Порхову, Старой Русе и Осташкову. Замойский планировал взять их и разместить там значительную часть войск гарнизонами на зимних квартирах. Оттуда всю зиму и весну делать набеги и походы вглубь русских земель в направлении Новгорода, Твери, Москвы. Как мы видим, Замойский собирался надолго оставаться в пределах России. Это было уже не просто вторжение, а оккупация, попытка завоевания страны.

Однако реализации этих планов помешали настроения рядовых воинов армии Речи Посполитой. 2 ноября было решено начинать работы по свертыванию лагеря. Обеспокоенные этим солдаты, боясь,

Псково-Печерский монастырь. Пещеры. Подземная церковь
Фото 1997 г.

что из-за поражения им не заплатят положенного жалования, потребовали от командования гарантировать им уплату, заложив свои имения. 10 ноября, спасая положение, Баторий поручился за выплату жалования коронными землями. Наемники под Псковом остались. 1 декабря лагерь покинули только сам Стефан с польскими шляхтичами и часть литовцев. Немцы, французы, итальянцы, шотландцы, венгры, отдельные части литовцев и поляков решили зимовать. На уроженцев Европы и пришелся основной удар русского «генерала Мороза».

О впечатлениях, которые произвел на иностранцев русский климат, повествовал Гейденштейн: *«Морозы были так сильны, что лишь кто-нибудь выходил из палатки, как отмораживал все члены, в особенности же те, которые преимущественно открыты для воздействия воздуха: нос, уши, лицо; и затем умирал»*. Европейцы в ужасе говорили, что холоднее бывает *«только на Ледовитом океане»*. По их мнению, на Псковщине стояли такие морозы, что животные, которые в нормальных землях рыжие или черные, здесь побелели, например

зайцы и волки. Треть воинов заболела простудой и воспалением легких. Участились случаи обморожения конечностей, рук и ног. Причем единственным средством лечения в военно-полевых условиях была ампутация. Лагерь оглашался криками мечущихся в горячке солдат, которые искали в бреду свои отрезанные руки и ноги.

Многочисленные мелкие стычки (за все время осады состоялся 31 приступ войск Батория и 46 вылазок псковичей) не принесли успеха ни одной из сторон. Утомленные осадой, воины стали склонны к мистике. Псковская осада оставила среди европейских наемников множество фантастических легенд вроде подвига Станислава Жолкевского, который скакал под стенами крепости, когда по нему в упор били 500 орудий, причем ни одно не попало, или же рассказа о «блестящей операции», приведшей к подрыву русского штаба. Будто бы, воспользовавшись природной склонностью наивных русских к любопытству, смысленные захватчики заслали в Псков мину в виде ларца, начиненного порохом. Данную «адскую машину» придумал Иван Остромецкий.

Гейденштейн так описывал эту бомбу: *«В железный ларь рядом положил он двенадцать пищальных дул, нарочно сделанных тонкими, чтобы тем скорее их разорвало; их же, равно как и самый ящик, наполнил самым мелким порохом; а в середине он поместил, взведенную и готовую, ту ружейную часть, которая посредством колеса и прилегающего кремня возбуждает огонь для воспламенения пороха; ларь этот был положен в деревянный ящик; и за тем к той пружинке, которая, [если бы была притянута], обыкновенно повертывает колесико и возбуждает огонь, он прикрепил два шнурка — один к нижнему дну деревянного ящика, другой к самой крышке железного ларя; таким образом, что вынет ли кто железный ларь из деревянного или тронет крышку самого железного ларя, по необходимости в том и другом случае потянул бы пружину, и тогда порох воспламенился бы и все присутствующие были бы поражены осколками разорвавшихся стволов и железного ящика. Остромецкий полагал, что, если в таком виде послать его Шуйскому, то последний не удержится, чтобы не раскрыть его и тем даст ввести себя в обман».*

---

* Остромецкий — А.Ф.

Гейденштейн описывал, будто бы московиты как дети, всем штабом, собрались вокруг ларца и стали его открывать. Якобы Шуйский *«...занят был в то время разными делами, но тотчас приказал другим, собравшимся сюда случайно на совещание открыть ящик, не дав себе времени разузнать; очень многие прибежали также сюда, привлеченные как новинкой дела, так и по врожденному людям любопытству. Самый храбрый между всеми и соперник Шуйского, другой воевода, Андрей Хворостинин... упершись ногою в деревянный ящик, силясь рукой вытащить железный ларь. В это время, приведена была в сотрясение пружина, порох воспламенился, железный ларь и трубки разорвало, и не только все присутствовавшие были рассеяны, но даже сорвана была некоторая часть крыши от силы огня, и разрыва железных стволов»*. Взрыв был такой, что из лагеря Стефана было видно, как крыша штаба летает над городскими стенами. В этом рассказе есть только одна неувязка: русские бояре и воеводы, которые, по Гейденштейну, якобы стали жертвами «теракта», в действительности еще здравствовали многие годы... Согласно русским источникам, «адская машина» была вовремя обезврежена.

Осада Пскова продолжалась до заключения Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой. Известие об окончании войны привез к стенам крепости 17 января 1582 года А. Хрущев. Замойский пригласил его к завтраку, но голец рвался в город, сообщить псковичам, что они выстояли. Подъехав к Покровской башне, он прокричал высунувшимся из бойниц псковичам известие о прекращении боевых действий. Его тут же с восторгом подняли на стену, кинулись целовать ноги, называя архангелом и вестником мира. Жители Пскова начали брататься с осаждавшими. Русские вовсю приглашали их зайти обычными гостями в город, который европейцы так и не смогли взять силой.

4 февраля армия Батория ушла от стен Пскова, что с облегчением восприняли в Москве. В случае, если Замойский решит продолжать осаду, русским дипломатам предписывалось пойти на значительные территориальные уступки, лишь бы снять блокаду города.

Результаты псковской кампании противоречиво оценивались в Речи Посполитой и Москве. Стефан и Замойский считали, что добились победы — ведь после осады Пскова русские подписали мир на их условиях. В XIX веке польский художник Ян Матейко, создавший серию картин

Стефан Баторий под Псковом

Ян Матейко, 1872 г. Холст, масло

Королевский замок в Варшаве

о судьбоносных событиях в польской истории, на одном из своих полотен изобразил принесение русскими боярами к ногам Батория ключей от Пскова. Такого эпизода в реальности не было, но польский живописец приукрасил действительность, сочинил картину о падении Пскова.

Для России же оборона крепости стала одним из символов героизма и стойкости русского духа. Живописец Карл Брюллов воплотил эту идею в своем знаменитом полотне «Оборона Пскова», на котором священники, поднявшие над головой иконы, и простые горожане, взявшие в руки оружие, вышвыривают захватчиков из пролома в крепостной стене.

Оборона Пскова (фрагмент)

Оружие погибшего отца берет в руки сын. На подмогу воинам идут священники с иконами и хоругвями, превращая бой за Псков в Священную войну

Карл Брюллов, 1843 г. Холст, масло.

Третьяковская галерея (Москва)

Конец «Баториевой войны» Как римский папа и германский император мирили Россию и Речь Посполитую.

Священной Римской империи, потерявшей свою провинцию Ливонию, удалось сыграть решающую роль в событиях на завершающем этапе балтийских войн второй половины XVI в. После избрания императора Максимилиана польским королем в 1576 г. казалось, что вот-вот реализуется план Максимилиана и Ивана IV о разделе Речи Посполитой между Россией и Германией. Но 11 октября 1576 г. император скончался. Новый правитель империи, Рудольф II, был куда более осторожным политиком. С Россией он не ссорился, но и не пытался играть с ней в одну и ту же политическую игру, как это делал Максимилиан.

Москва же, растерявшая за годы балтийских войн всех своих нестойких и временных союзников, продолжала надеяться на поддержку венского двора. Особенно это проявилось в конце 1570-х — начале 1580-х гг., когда в империю буквально один за другим едут русские послы с просьбой о посредничестве императора в замирении Ивана IV и Стефана Батория. В 1577–1578 гг. в центре *«христианского мира»* с этой миссией побывало посольство Ж. Квашнина. 12 марта 1580 г. в Вену отправился гонец А. Резанов, который вез грамоту с согласием Грозного вступить в антитурецкую лигу и оказать империи военную помощь против Турции — только бы император *«унял»* ненавистного *«Обатура»*. Не дождавшись его возвращения, 25 августа 1580 г. царь принимает решение об отправке нового посла — И. Шевригина. Грозный рисовал перед императором проект широкой антимусульманской коалиции в составе России, Священной Римской империи и даже Ватикана. Вот тогда-то турки с позором побегут из Европы, не в силах противостоять столь великой силе. Мешает только одно: нападение на Россию польского короля Стефана Батория, между прочим, ставленника и союзника турецкого султана. И вместо того, чтобы гнать неверных огнем и мечом, истинный христианский государь Иван IV вынужден воевать с такими же христианами... Пусть император, как глава *«христианского мира»*, поспособствует прекращению этого безобразия!

Иван Грозный все рассчитал верно. С конца XV века и Ватикан, и Священная Римская империя искали с Россией союза, чтобы обратить ее в католичество и использовать боевую мощь российской армии

против турок. Но и Иван III, и Василий III отклоняли все многочисленные предложения. А тут сам русский царь ищет союза! Предлагает воевать с турками! Хочет быть в самой тесной «*приязни*» с католическим германским императором! Не означает ли это, что Русь за 100 лет наконец-то созрела для заветной католической унии?

Поэтому при императорском дворе и в Ватикане отнеслись к предложениям, привезенным И. Шевригиным, со всей серьезностью. Обижать и одергивать Батория никто не собирался, поскольку король-католик в любом случае оставался ближе к «христианскому миру», чем глава православных схизматиков Иван Грозный. Но и император, и римский папа считали, что польский монарх занят не тем, чем надо. Его бы энергию и военные таланты на войну с Турцией... А он воюет хоть и с противником Европы, Иваном IV, но все же это враг далеко не самый главный. Да он еще и намекает, что созрел до готовности перевоспитаться «в западном духе»...

Поэтому было принято решение откликнуться на призыв Ивана Грозного и выступить посредником между Россией и Речью Посполитой. В сентябре 1581 г. главным действующим лицом на их переговорах стал папский легат Антонио Поссевино. Его задачей было донести до русской стороны условия Стефана Батория, главным из которых была уступка всей Ливонии. Но, в то же время, Поссевино должен был следить, чтобы Стефан не зарывался, не выдвигал бы заведомо нерезонных претензий, и чтобы его требования оказались бы приемлемыми для русских.

На совещании царя с боярами в октябре 1581 г. была выработана новая позиция Москвы, очень похожая на старую. Планировалось первоначально продекларировать уступку Ливонии взамен на два главных условия: 1) возврат Стефаном Великих Лук, Невеля, Заволочья, Холма, Острова, Красного, Велижа, Опочки, Воронача и Гдова; 2) участие Речи Посполитой в совместных с Россией боевых действиях против Швеции по освобождению ливонских городов: Нарвы, Толсбурга, Везенберга, Падиза, Гапсаля, Леали и Лоде. Эти города в перемирную грамоту царь писать не велел, то есть хотел в перспективе удовлетворить русские интересы в ливонских землях за счет Швеции.

Иван IV также предполагал, что Стефан не захочет расставаться с недавно захваченными русскими территориями, в частности,

с Великими Луками. Их предписывалось отдать, но взамен выторговать целый ряд ливонских городов: Нейгаузен, Кирумпэ, Юрьев, Фалькенау, Ранден, Ринген, Конгот, Кавелехт, Зоммерпален, Лаис, Тарваст, Оберпален, Пайда, Феллин, Пернов. Если король не удовлетворится этими уступками и продолжит осаду Пскова, отдать ему всю Ливонию, кроме Юрьева с уездом, но в обмен на Великие Луки, Невель, Холм и псковские пригороды. Кроме того, в знак заключения антишведского союза уже этой зимой должен состояться совместный поход польских, литовских и русских полков к Нарве.

О готовности Москвы к обсуждению мирного соглашения говорилось в отосланной 27 октября 1581 г. грамоте от Ивана IV к Поссевино. Начало переговоров однозначно увязывалось с отводом Баторием войск из-под Пскова. В грамоте к Стефану от октября 1581 г., отосланной с З. Болтиным, литовские послы приглашались для прибытия на переговоры на Запольский Ям, по Луцкой дороге между Порховым и Заволочьем, то есть как бы на нейтральной территории.

Болтин прибыл под Псков, где его 15 ноября торжественно принял Стефан. Накануне гонца роскошно накормили, напоили пятью разными видами спиртных напитков. Это разительно отличалось от издевательств и попыток заморить голодом предыдущие русские посольства. Однако гонец разочаровал Стефана: он вручил царские грамоты и заявил, что, кроме этого, никаких поручений у него нет. Желанных слов о готовности русского царя к капитуляции не прозвучало. Тогда Болтина отправили в шатер к Поссевино, где легат сразу же задал главный и всех волнующий вопрос: «*Где ныне государевы послы?*». Услышав, что послы должны в Новгороде ждать опасной грамоты, литовцы заторопились, и уже 17 ноября со всеми нужными документами Болтин выехал в Новгород. Остафий Волович передал с ним поклон Стефана «*брату своему великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси*», что, видимо, должно было символизировать лояльность Речи Посполитой и ее доброжелательный настрой на грядущих переговорах.

4 ноября 1581 г., не дожидаясь результатов миссии Болтина, в Новгород отправились послы Д. П. Елецкий и Р. В. Алферьев, дьяк Н. Б. Верецагин и подьячий З. Связев. Там они должны были ждать реакции Речи Посполитой на предложения, которые отвез Болтин. Задачей Елецкого было завершить войну на условиях, приемлемых для России.

Наказ посольству содержал ряд принципиальных моментов. Считалось, что послы отправились не в Литву (что означало бы признание Россией своего поражения — русские едут просить мира!), а «*съезду быти промеж Порхова и Заволочья, на Заполском Яму по Луцкой дороге*». В Новгороде Елецкий должен был списаться с литовской стороной, дожидаться опасной грамоты и определить количество людей, выставяемых сторонами на съезд, чтобы был полный паритет. Правда, оговаривалось, что если с ведома Поссевино литовцы пришлют больше людей, из-за этого встрече не прерывать.

Переговоры с русской стороны должны были тайно охранять отряды И. М. Бутурлина и М. Г. Салтыкова. Место грядущих переговоров надлежало оборудовать съезжим двором или шатром. Русским послам предписывалось вести переговоры в литовском шатре, только если в нем будет находиться Поссевино, то есть московские дипломаты как бы прибыли не к литовцам, а к папскому легату. Если Поссевино не будет на переговорах, то русским надо попытаться настоять на том, чтобы литовские послы ездили для переговоров в русский шатер, а не наоборот. И только если из-за этого переговоры будут поставлены под угрозу срыва, следует принять литовское условие и встречаться с неприятельскими дипломатами на «их территории», в литовском шатре.

Именно посредничество Поссевино было для Ивана IV принципиальным. Этим он пытался спасти свой престиж, продемонстрировать, что царь мириться с королем только для нужд «христианского мира», при поддержке папы и императора. Для этого, во-первых, в наказе Елецкому Поссевино утверждался переговорщиком, который будет передавать требования сторон: «...*И ты б Антоней Посевинус меж нас с Стефаном королем о тех делах промышляя, как пригоже нас быти доброму делу, и с нашими послы и с Стефановыми королевы послы о тех делех говорил и промышляя*».

Во-вторых, в случае, если Поссевино станет выполнять функцию посредника, предписывалось вести переговоры в не традиционном русском стиле: сразу высказать непомерные требования, а затем шаг за шагом уступать, а велено было сразу с обеих сторон объявить через легата «*последнюю меру*», больше которой Россия и Речь Посполитая уступать не будут. Если эти «*последние меры*» окажутся слишком

неожиданными, дипломаты должны были ждать новых инструкций от своих монархов.

В-третьих, в качестве козыря русской дипломатии предполагалось включение в договор пункта об обязательстве Москвы воевать против Турции на стороне «христианского мира». Чем меньше земель заберет у России Речь Посполитая, тем выше вероятность появления русской дворянской конницы на передовом крае борьбы с турками. И, соответственно, наоборот — если Россию «обидят», если легат не добьется умиротворения претензий Стефана, то римский папа может не рассчитывать на военную помощь Москвы против мусульман.

Четвертой особенностью позиции русской стороны был принципиальный отказ от «вечного мира». Максимум, что могли сделать послы — заключить перемирие на пять – семь – десять лет, максимум — 20 лет, только б не «вечный мир». Грозный не желал смириться с результатами кампании, признавать поражение, отдавать земли и связывать себя при этом договором о вечном мире. В Москве «*Баториеву войну*» явно считали не более чем как неудачным эпизодом из серии русско-литовских войн XVI в. и предполагали в будущем продолжить спор за Полоцк, Себеж и Ливонию. Постановка вопроса о вечном мире была возможна либо на условиях, устраивающих Россию, либо в абсолютно безвыходной ситуации.

Пятой новой чертой наказа Елецкому было то, что послам предписывалось обсудить условия эвакуации русских гарнизонов из городов, отходящих к Литве. По-видимому, это первый в истории документ такого рода, когда русским дипломатам надо было выработать условия эвакуации живой силы, отвода техники (орудий, боеприпасов), переноса церковей (ведь угроза ликвидации висела над целой епископией — Юрьевской) и т.д. Интересен механизм вывода войск из Ливонии, предложенный в наказе Елецкому. Ливония делилась на зоны эвакуации. В первую входили: Ленненварден, Ашераден, Кокенгаузен, Берзон, Зессвеген, Мариенбург; во вторую — Розиттен, Лудзен, Мариенгаузен; в третью — Вольмар, Роннебург, Трикатен, Адзель, Пюркельн, Салис. Отдельными зонами считались Себеж (если государь все же велит его сжечь) и псковские пригороды. В каждую из зон должны были выехать государев дворянин и королевский дворянин, которые вместе должны были наблюдать за порядком вывода русских и литовских войск. Людей первоначально

выводить в новую зону — Перновы Старый и Новый, Юрьев, Феллин, Пайду, Оберпален, Тарваст, Лаис, Нейгаузен. Отсюда уже должна была идти эвакуация второй очереди, на российскую территорию. Одновременно государев дворянин с конвоем из 10 детей боярских поедет принимать Великие Луки и другие города, оставляемые литовцами.

Наказ Елецкому содержал три варианта условий заключения перемирия. Первый предполагал территориальный раздел Ливонии с уступкой большей части ливонских земель Речи Посполитой, но с возвратом Стефаном Ивану IV польско-литовских завоеваний под Псковом. Себежский вопрос предполагалось законсервировать: Россия обязывалась счесть г. Себеж как русский опорный пункт в регионе, Литва в обмен должна была уничтожить Дриссу. На этих условиях Россия готова была подписать перемирие до 10–20 лет и отправить войска на защиту *«христианского мира»* от *«бусурманства»*. И за Стефаном, и за Иваном в равной степени признавался титул *«Ливонский»*. На русско-литовском приграничье Москва была готова признать потерю Полоцка с пригородами (Копье, Ула, Красный, Туровля, Сокол, Козьян, Ситна, Озерище, Усвят), а также Велижа, Великих Лук, Невеля, Заволочья и Холма. Взамен Стефан должен был очистить земли и населенные пункты под Псковом (*«псковские пригороды»*).

Второй вариант наказа Елецкому был составлен на случай, если Стефан будет настаивать на захвате всей Ливонии, а Поссевино не сможет уговорить его уступить. Эта версия договора предусматривала перемирие на 7–12 лет с передачей Речи Посполитой всей Ливонии, беспрепятственной эвакуацией с вывозом имущества из Ливонии русской церкви и гарнизонов с артиллерией. Зато взамен Россия требовала возврата всех завоеваний Стефана в русско-литовском пограничье (кроме Полоцка с пригородами), сохранение Себежа как опорной русской крепости в регионе. При этом выступление русских войск против Турции объявлялось невозможным.

Третий вариант, содержащийся в наказе Елецкому, предусматривал самое плохое для России развитие событий: если Стефан не захочет отдавать захваченные Великие Луки и псковские пригороды, и к этому еще будет требовать всю Ливонию. В этом случае послам предписывалось обращаться к Поссевино, упирать на готовность России бороться с бусурманством, настаивать на оставлении за Москвой части Ливонии

практически по первому варианту договора. Однако при этом Иван был готов уступить города, но не хотел отдавать земли вокруг них. Так, если литовцы попытаются приписать Торопецкие волости, Жижецкую и Плавецкую, к Великолуцкой, то на это нельзя было соглашаться. Россия была готова сжечь Себеж и Адзель, но хотела оставить за собой Юрьев, Кирумпэ, Нейгаузен, Лаис, Тарваст, Оберпален, Пайду, Феллин, Пернов Старый и Новый. При этом великолукские земли и псковские пригороды отходили бы Стефану.

Россия по третьему варианту отказывалась заключать союз с Речью Посполитой против Швеции, а пряталась за традиционную для международных договоров неопределенную формулу «кто нам друг, тот и вам друг, кто нам недруг, тот и вам недруг». Вопрос о царском титуле и «братстве» в наказе Елецкому решался неожиданно мирно: естественно, предписывалось настаивать на написании имени Ивана Грозного с царским титулом, при этом апеллировать к авторитету Поссевино. Но если не пройдет — заявить, что *«Государь наш для покою христианского не велел себя царем писати, а которого извечного Государя как его не напиши, а ево, Государя, во всех землях ведают, како и он Государь»*. Еще проще было распоряжение насчет «братства»: если Стефан не захочет Ивана писать братом, на это согласиться, подчеркнув, что *«то нашему Государю не велико, что с вашим государем писатися братом»*.

С 19 ноября 1581 г. посольство Д. П. Елецкого сидело в Новгороде Великом и ждало опасной грамоты от властей Речи Посполитой. Между ними, новгородским воеводой И. Ю. Булгаковым-Голицыным, панами рад, папским легатом А. Поссевино и Москвой шла довольно интенсивная переписка, в которой все стороны заверяли друг друга в готовности к заключению мира. 28 ноября гонец З. Болтин привез для русских послов от короля опасную грамоту.

Папский легат активнейшим образом взялся за дело замирения враждующих сторон. В письме к царю от 22 октября Поссевино даже изображал себя спасителем Пскова от обстрела из новых орудий, доставленных под Псков из Риги (между тем, под стены Пскова никаких орудий из Риги не привозили). В послании к царю от 16 ноября легат выступал чуть ли не русским шпионом: сообщал о планах польско-литовского командования, передвижениях войск.

Поссевино в грамотах неизменно называл Ивана IV либо «*великим государем*», либо «*царем и великим князем всеа Руси*», что вообще-то было нетипично для посланцев императора и папы.

1 декабря 1581 г. ночью в Новгород от Поссевино приехал сын боярский Ф. Бегичев, который привез грамоты от папского легата и панов рад. Поссевино ждал русских послов в с. Бешковичи меж Порхова и Опок; а оттуда был готов ехать вместе с ними на Запольский Ям, где пройдут переговоры с королевскими послами Янушем Збаражским, Ольбрахтом Радзивиллом и писарем Михаилом Гарабурдой. 2 декабря Елецкий с товарищами выехали навстречу Поссевино, 7 декабря прибыли в с. Бышковичи. Выяснилось, что в самом Запольском Яме переговоры проводить трудно — место «*пустое*». Договорились начать встречу с литовскими послами 10 декабря в соседнем с. Пажеревицах, в 15 верстах не доезжая Запольского Яму. Однако Пажеревицы тоже чем-то не подошли. Переговоры начались 13 декабря в соседней д. Киверевой Горе.

Протекали они в высшей степени трудно. Литовские послы заявили, что они уполномочены передать волю Стефана вернуть псковские пригороды: Воронач, Велиж, Остров, Красный. Россия же должна отдать всю Ливонию. Послы уполномочены все сделать за три дня, если русских такие переговоры не устраивают — то их можно разорвать, не начав. После этого послы Речи Посполитой стали задавать принципиальные вопросы: есть ли у Елецкого наказ отдать Стефану всю Ливонию? Есть ли наказ о войне России со Швецией, которая сейчас является союзницей Речи Посполитой? Готова ли Россия заплатить «*наклад*» на воинских людей Речи Посполитой?

Поскольку ответы на литовские вопросы у Елецкого были только отрицательные, и условия выдвигались заведомо неприемлемые, московские дипломаты апеллировали к Поссевино: «*Тебе, Антонью, пригож литовских послов уговаривать, чтоб безмерье оставили... пригоже делати на обе стороны ровно, ты государю нашему царю и великому князю изъязался служити^{*} и прибытка искать на обе стороны ровно*». Елецкий выдвинул забавный аргумент: если Речь Посполитая отберет всю Ливонию, то без пристаней морских

---

* Так! — А.Ф.

Россия никак не сможет помочь Священной Римской империи и Ватикану в войне с Турцией, ибо их связи с Московией будут физически разорваны — по суше не проедешь, там враждебная Речь Посполитая, а без Ливонии в Рим *«морского ходу не будет»*. Кстати, это единственный случай, когда в русских документах говорится, что Ливония нужна России для выхода к морю. Только вот потребность в *«морском ходе»* трактуется крайне своеобразно: он, оказывается, нужен русским, чтобы в Рим к папе ездить...

Согласно отчету Елецкого, Поссевино очень старался выполнить свою миссию: *«И Антоней литовских послов уговаривал, и ворочал их не однава, чтоб они не розъезжались и не розорвали»*. Легат послал к канцлеру Я. Замойскому, чтобы выведать у него тайные инструкции послам, и обещал передать эту секретную информацию московским дипломатам, поскольку он служит государеву делу *«всею душою»*.

Торг шел трудно. 14–15 декабря русская сторона в соответствии с наказом пыталась вести речь об уступке части Ливонии в обмен на возврат Стефаном недавних завоеваний (Великих Лук, Невеля, Заволочья и т.д.). Но дальнейший диалог зашел в тупик: Збаражский и Радзивилл требовали *«всю Ливонию»*, и традиционная московская тактика уступки города за городом оказалась неэффективной. К тому же литовцы пытались увязать заключение договора с выработкой общей позиции в отношении Швеции, захватившей часть Ливонии, а русские, согласно литовскому отчету, не хотели это обсуждать под тем предлогом, что не имеют для того инструкций. Литовцы всячески демонстрировали свою готовность прервать переговоры.

Поссевино пытался смирять амбиции сторон, и это ему поначалу удавалось. Только благодаря его нажиму Збаражский согласился на новый раунд переговоров 16 декабря, когда литовская делегация уже была готова уехать. Посланник Батория заявил, что осада Пскова приостановлена, войска от города отведены в лагерь — чего еще хотят московиты? Елецкий отреагировал на это провозглашением первой уступки в Ливонии — г. Адзеля. Збаражский ответил на передачу Адзеля заявлением о возврате России города Холм. Стороны слегка воспрянули духом: казалось, что *«лед тронулся»*.

---

* Переговоры — А.Ф.

Но 17 декабря переговоры были приостановлены: Поссевино отправил гонца за инструкциями к Я. Замойскому, а сам показал Елецкому письмо легату от Стефана, где были специально для папского посланника изложены условия, на которых король готов мириться. Баторий требовал себе всю Ливонию, обвинял Грозного в нарушении обещаний и постоянной затяжке переговоров, подчеркивал религиозный характер противостояния — православной Москве противопоставлялся «христианский мир», представителем которого является папский легат Поссевино и которому служит польский король-католик Стефан.

20 декабря от канцлера Яна Замойского были получены инструкции — отдать русским в Ливонии Нейшлосс, Нейгаузен и Варбек в обмен на Великие Луки и Себеж. Возврат Лук, Заволочья, Невеля и Велижа, как того требует Москва, возможен лишь при уступке всей Ливонии. Однако Збаражский не спешил объявлять полученные инструкции, а продолжал вести торг, и успел выторговать еще и Лтюс в обмен на обещания обсудить вопрос о возврате Лук, Заволочья, Невеля и Велижа. Посол явно надеялся заставить русских пойти на дальнейшие уступки, и город за городом выторговать как можно больше земель в Ливонии, раз уж не удастся получить ее сразу. В качестве следующего объекта торга Збаражский наметил г. Невель. Однако, согласно литовскому отчету, этот увлекательный процесс испортил Поссевино, который обрушился на литовцев с упреками в напрасной затяжке переговоров. Легат настаивал, что он говорил с королем, и ему точно известно — Стефан велел отдать русским Великие Луки. Зачем же литовская делегация утаивает это решение? Этим скандалом переговоры 20 декабря закончились.

21 декабря литовцы под давлением Поссевино заявили о готовности уступить Луки в обмен на Себеж и договоренность об отказе России от всей Ливонии и от намерения отвоевать у шведов захваченные ими города в Ливонии, признание этих городов потенциальным владением Стефана. Елецкий на это ответил, что ему поручено отдать за Луки шесть ливонских замков: Пернов, Вайссенштайн, Варбек, Конгот, Зоммерпален, Пюркельн. Без возврата остальных псковских пригородов дела все равно не станет, и московский посол предложил продолжить торг. На этом переговоры зашли в тупик, и, хотя стороны

съезжались каждый день с 22 по 30 декабря, процесс заключения перемирия не сдвинулся с мертвой точки.

Темной январской ночью московские послы пришли к Поссевино «и с плачем великим молвили», что без отказа русских от Юрьева мир невозможен, а царь строго-настрого приказал Юрьев не отдавать. Литовские послы — молодцы, Стефан не велел им отдавать Великие Луки, Заволочье и Невель, а они самостоятельно решились на это и тем устыдили московитов. Елецкий при этом обратился к Поссевино с просьбой о заступничестве перед царем: «А бых их в опеку свою взял, и в том перед князем великим обмолвил, и показнिति их не дал». Поссевино обещал свое заступничество.

И на следующий день Елецкий с товарищами выступили с заявлением о готовности во имя мира с Речью Посполитой стать христианскими мучениками и пойти наперекор царской воле, уступить Юрьев Ливонский. Елецкий лукавил: вариант с отдачей Юрьева был предусмотрен в царском наказе, и, уступая его, послы не нарушали царской воли. Елецкий разыграл перед Поссевино и литовцами спектакль, чтобы продемонстрировать глубину приносимых послами жертв и сделать Збаражского сговорчивее.

Плачущие и умоляющие русские послы в литовском отчете о переговорах описаны еще в одном случае: когда обсуждался вопрос, какая из делегаций должна первой прибыть для подтверждения миру. Литовцы требовали, чтобы первыми приехали московские послы, и тогда Елецкий с товарищами стали рыдать, уверять, что теперь-то их точно казнят, потому что царь наотрез отказывается первым послать послов. Масла в огонь подлил Поссевино, взывающий к христианскому милосердию, и требовавший от Батория проявить милость к оказавшимся в столь трудном положении русским дипломатам. Проявив великодушные и пожалев «несчастных жертв российской тирании», Збаражский согласился на то, что сначала в Москву отправится посольство Речи Посполитой, а затем в Вильно прибудут московские послы. Опять-таки, неясно, имело ли место такая сцена, оказался ли Збаражский столь впечатлительным, что у него рыданиями можно было «выкрасть победу» его короля. Ведь из того, что литовская делегация приедет первой, по этикету следовало, что Речь Посполитая просит мира у России, а не наоборот, как явно хотелось бы Стефану. Или же составитель

литовского отчета таким образом, апеллируя к христианскому милосердию, пытался оправдать столь серьезную уступку своих дипломатов на переговорах?

Другой проблемой стало литовское требование поименной росписи городов, принадлежащих государям, от Киева и Новгорода (как в предыдущих перемирных грамотах) до ливонских крепостей. Московские дипломаты противились этой росписи, указывая, что сейчас надо заключить общее соглашение о перемирии, а когда большие литовские послы приедут утверждать перемирие, тогда и составить подобную роспись. Литовская же сторона настаивала на немедленном составлении подобной записи, чтобы зафиксировать свою победу.

К 9 января были обсуждены и частично урегулированы следующие вопросы. «Царем» Грозного писать только в русском варианте грамоты, литовцы не признают за ним титула «Смоленский», русские же за Батюрием — «Лифлянский». Предложение литовцев и Поссевино о «вечном мире» было отвергнуто, вместо него Елецкий добился 10-летнего перемирия. Также московским послам удалось дезавуировать предложение Поссевино о «замирении со шведским», и о немедленной записи в договор городов, которые отберут у Швеции, как отходящих к «королю». Своим успехом Елецкий считал договоренность о том, что первыми в Москву придут для утверждения мира послы Стефана, и лишь затем в Вильно поедет московская делегация.

Не было достигнуто решения по следующим вопросам: «поименной» росписи городов и рубежей (блокировано московской делегацией); наличие на перемирной записи подписи и печати Поссевино как папского легата (категорически воспротивилась русская сторона: воевали с Речью Посполитой, почему тогда мир заключать с представителем папы — он посредник, не более того). На переговорах не сумели утвердить сроков и окончательных условий отвода польско-литовских войск от Пскова, а русских — из Ливонии. Ничего не решили и об обмене пленными. Литовцы требовали 300 000 золотых и весь свой полон, за что готовы были вернуть всех русских пленных и вдобавок замки Опочку и Себеж. Елецкий удивился столь сложной и необычной системе обмена, и когда Збаражский отверг гуманное русское предложение — стороны просто одновременно отпускают всех пленных — этот вопрос решено было перенести на будущие переговоры.

11 января возник новый спор вокруг текста перемирной грамоты. Литовская сторона возмутилась, почему при перечислении ливонских и курляндских городов, которые закрепляются за Речью Посполитой, московские составители перемирной грамоты обозначили их как города, которыми Иван IV *«поступаетца»* Стефану. Мол, как можно поступаться тем, чем никогда не владел? Если русские настаивают на использовании этого выражения, то надо записать, что Литва *«поступается»* Новгородом, Псковом и т.д. Литовцы *«вымазывали»* из черновика грамоты неуютное выражение. Спор принял настолько горячий характер, что дело дошло до рукоприкладства. Поссевино, разозлившись, что его не слушают, и особенно обидевшись на неупоминание его и папы в перемирных грамотах, заявил Елецкому: *«Вы, деи, меня не слушаете, а с послы на том не делаете, стоите за безделье, и яз, деи, вижу вашу неправду, и дела мне меж вас не дельвать, да, встав, Антоней, осердясь, из ызбы пошел вон»*. Потом он вернулся *«и учел сердитовати и вопити на нас: вы, деи, пришли воровать, а не посольствовать»*. Послы держались стойко, в ответ напомнили Поссевино о государевом жаловании, и что он должен не ругаться, а уговаривать литовцев делать то, что выгодно русской стороне — иначе какова же его служба русскому государю? Вконец разъяренный легат вырвал из рук Р. Алферьева черновик переговорной грамоты *«да кинул в двери, а меня, холопа твоего, за ворот за шубу да вернул и пуговицы оборвал»*. Драка легата с русским послом завершилась изгнанием московской делегации. Поссевино кричал: *«Подите, деи, от меня из ызбы вон, мне, деи, с вами не говаривати ничего»*. На что послы храбро заявили: *«И то ты, Антоней, чинишь не гораздо, государево великое дело мечешь, а нас бесчестишь»*.

Для разрешения спорных вопросов 12 января Елецкий срочно запросил Москву о дальнейших инструкциях. 20 января они были высланы с гонцом И. Титовым. Царь хвалил Елецкого за стойкость и радение о государевом деле. Послам разрешалось: различное написание титулов в грамотах, утверждался вариант с взаимным признанием титулов *«смоленского»* и *«лифлянского»*; допускалось расписать рубежи, но обязательно с учетом рубежей в старых перемирных грамотах. Можно было упомянуть, что перемирие заключено *«при папине третьяго надесять пастыря и учителя римские церкви»*

после Антонье Посевинусе», и легат мог приложить к грамотам свою печать. Ни в коем случае не «*писать в литовскую сторону*» города, захваченные шведами. В отношении Курляндии было разрешено в грамоте заменить слова «*государь поступается*» на «*государь обязуется не воевать тех мест*». Утверждался подробный график вывода русских войск из Ливонии.

Однако царские инструкции опоздали. Посольские дьяки еще корпели над ними, а из Киверевой горы уже скакали литовские и русские гонцы с известием: 15 января 1582 г. война закончена, перемирие подписано. Примечательно, что Елецкий и Збравский отправили в районы боевых действий известие об этом с утра 16 января, и лишь 17 января Елецкий послал гонца к царю с сообщением о достижении соглашения. Видимо, составление грамоты к Ивану Грозному требовало большего времени: следовало тщательно выверить все формулировки...

23 января Елецкий прислал государю с П. Зеклюзиным грамоту с отчетом. Из нее известны следующие подробности. Не дожидаясь царских инструкций, которые Елецкий запросил 12 января, стороны продолжили переговоры. В тот же день дипломаты договорились не писать в перемирную грамоту вопрос о будущей принадлежности ливонских городов, если их удастся отбить у шведов; и о написании государева титула в грамотах по принципу «каждая сторона пишет так, как считает допустимым».

Камнем преткновения стал термин «поступиться» — литовцы наотрез отказывались использовать его в перемирной грамоте, считая, что выражением «*государь Иван Васильевич поступается из своей вотчины Лифляндские земли королю Стефану городов...*» Речь Посполитая признает исторические права России на Ливонию и это закладывает почву для будущих конфликтов. Поссевино четыре дня уговаривал литовских послов уступить, это делалось и в присутствии русских представителей, но безуспешно. В итоге посольство Елецкого согласилось на последний вариант формулировки из предусмотренных в наказе Грозного: написать «*что ты, государь, в Стефанову в королеву сторону поступишися велел из лифляндские земли городов*».

15 января 1582 г. в деревне Киверевой Горе перемирие было подписано, стороны целовали крест. В принципе, с некоторыми уточнениями, был утвержден второй вариант перемирной грамоты

из Наказа Д. П. Елецкому. Россия теряла Ливонию, но возвращала города, потерянные в ходе «*Баториевой войны*» (кроме Полоцка с Велижем и другими пригородами). Судьба шведских захватов в Ливонии оставалась открытой. Определялся порядок вывода русских и литовских войск. В общем, царский наказ был исполнен. Елецкий справился с возложенной на него миссией. Результаты поражения оказались не такими уж и тяжелыми: Россия не несла территориальных потерь, но и не смогла удержать новые земли, захваченные в 1558–1578 гг.

Посольство Елецкого вернулось в Россию 11 февраля 1582 г. с перемирной грамотой и статейным списком. Теперь надлежало принять посольство Речи Посполитой, перед которыми на перемирной грамоте следовало присягнуть Ивану Грозному. А затем путь в Литву предстояло проделать московским дипломатам для присутствия на присяге Стефана Батория.

Однако, несмотря на существование утвержденного текста перемирной грамоты, оставался нерешенным ряд проблем, которые стороны спешили обсудить, и, если возможно, приемлемые решения дописать в текст договора. На первый план вышла шведская проблема. Ее поднял Стефан Баторий, отправив 17 марта 1582 г. в Москву грамоту, в которой отказ России от отвоевания у шведов Нарвы ставился условием подтверждения перемирия. С аналогичной грамотой к московским боярам обратились паны рады.

В ответ Иван IV заявил Стефану, что будет «*стоять*» за Нарву и другие города, находившиеся в руках шведов, и поступаться ими сейчас не намерен, но готов обсуждать с королем проблему принадлежности данных городов после изгнания шведов. Царь пытался обратить военное поражение дипломатической победой, извлечь из уступки Ливонии возможный военный союз России с Речью Посполитой против Швеции, а если получится, то и Крима.

Однако этот призыв не заставил Батория изменить позицию: сперва урегулировать вопросы, оставшиеся спорными после январских переговоров, а потом уже ставить новые. В «*науке*», данной посольству Я. Збаражского, М. Талваши и М. Гарабурды в Риге 28 марта 1582 г., Стефан приказал «*не уступать*» Нарвы, Ревеля, Везенберга, Толсбурга, Падиза, Леали, Лоде, Гапсаля, Фикеля, Нейшлосса, которые ныне захвачены шведами. Король предлагал обсудить шведский вопрос

на отдельных переговорах. «Наука» содержала также категорический отказ признавать титул «царь вся Русь».

Посольство Я. Збаражского, М. Талваши и М. Гарабурды, которому поручалось утвердить договоренности, достигнутые в Киверево́й горе, находилось в Москве с 18 июня по 17 июля 1582 г. Стороны обсуждали проблему грядущей войны со Швецией. Речь Посполитая готова была участвовать в изгнании шведов из Ливонии, но при этом соглашалась вернуть Москве только ее бывшие владения — «Новгородской земли города»: Ям, Копорье, Ивангород. Вопрос же о государственной принадлежности Нарвы и других ливонских городов, занятых шведами, послы предложили сейчас не решать. В конце концов, в июле 1582 г. между Речью Посполитой и Россией было заключено дополнительное соглашение — договорная запись о ливонских городах: Нарве, Нейшлоссе, Этце, Толсбурге, Везенберге, Ревеле, Падизе, Лоде, Гапсале и других, захваченных шведами. Стороны обязывались не пытаться их отнять у шведов до истечения русско-литовского перемирия, то есть до 1592 г. Другой принципиальный вопрос, который должно было уточнить посольство Збаражского — процедура обмена пленными. Специальная грамота об этом была подписана от имени бояра во главе с Н. Р. Юрьевым 13 июля 1582 г.

Обсудив 15 июля все нюансы клятвы (крестоцелования) на перемирных грамотах, 17 июля посольство Збаражского отбыло домой, увозя русскую грамоту с печатью Ивана IV и королевскую грамоту с приписью о принесенной на ней присяге послов. 4 августа для окончательного утверждения перемирия в Речь Посполитую отправилось посольство Д. П. Елецкого и И. М. Пушкина.

Первое, на чем акцентировалось внимание в Наказе Елецкому — тщательное сличение списков перемирных грамот, чтобы дипломаты Речи Посполитой не подменили текста. Кроме того, «*послом того беречи накрепко, чтоб король на обеих грамотах целовал в самой крест, прямо губами, а не в подножное* и не мимо креста и не носом*». Правда, на собственно крестоцеловании можно было и не настаивать — Стефан мог присягать и по своей вере, например, на Евангелии.

В остальном наказ Елецкому был достаточно традиционным. Среди его особенностей можно выделить повышенное внимание

---

* Подножное — нижняя часть креста, под ногами накладной фигуры распятого Иисуса.

к изменникам, которые могут встретиться послам в Литве. Видимо, фактору предательства была присвоена роль одной из основных причин поражения России в войне. Одновременно возросло значение, которое царь придавал всяческим мистическим совпадениям: так, Елецкому предписывалось, если Стефан умрет во время переговоров — перемирия не заключать. Царь еще надеялся на более благоприятный исход войны в случае смены власти в Речи Посполитой.

Посольство Елецкого пересекло литовскую границу 25 августа. Из отчета, присланной из-за рубежа, видно, что Речь Посполитая заканчивала войну с облегчением и стремилась хорошо принять дипломатов, везущих мирное соглашение. Литовские приставы, встречавшие Елецкого, подчеркивали, что раньше московским послам не давали корму до Орши, а теперь дают с самой границы — видите, какую честь король велел оказывать русским дипломатам! На рубеже посольство получило корм: 4 яловицы, 10 баранов, 15 кур, 2 «полти» мяса, 300 калачей и хлебов, пуд соли, осмину круп, 10 ведер меда, 10 ведер пива, ведро вина горячего, 30 четей овса. Однако после Орши стали кормить поскуднее — литовцы объясняли это последствиями военного разорения.

Русские послы, как обычно, передавали в Москву слухи, обнадеживающие Ивана IV: будто бы захват Ливонии Речи Посполитой не впрок, поскольку из-за нее уже возник конфликт литовских и польских панов: кому достанутся какие земли. Ляхи предлагали захваченную страну разделить, а литовцы требовали целиком себе, мотивируя тем, что больше пролили за нее крови. Другой слух был и настораживающим, и обнадеживающим одновременно: будто бы Стефан собрался изгнать шведов из Прибалтики, и первый удар нанесет на Нарву.

9 октября посольство Елецкого прибыло в Варшаву, 13 октября вручило Стефану верительные грамоты. После непродолжительного выяснения с посольством Елецкого, а затем с приехавшим 19 октября гонцом Л. Хрущовым мелких территориальных споров вокруг границ Торопецкой и Велижской волости, 20 октября 1582 г. Стефан присягнул на перемирных грамотах. Статейный список посольства Елецкого описывает процедуру следующим образом: справа от трона был поставлен стол, на котором послана «*фата турецкая*», на которую поставлен образ Богородицы с младенцем. По обе стороны образа установлены

две свечи. Перед образом на блюде крест с Евангелием, по ту сторону стола стоял гнездинский архиепископ Станислав Карнковский. Стефан сидел на троне, перед ним стояли русские послы, а рядом с ними Остафий Волович комментировал действия короля: вот он встал, вот идет к столу, вот берет грамоту, вот присягает...

Тут не обошлось без конфликта. Король хотел принести клятву по-латыни, а Елецкий требовал, чтобы Баторий клялся по-русски, поскольку не понимает, что там бормочет польский король. Стефан не знал русского, а посол Москвы не понимал латыни. Перевод прозвучавшей все же по-латыни клятвы короля давал послам все тот же Остафий Волович. При этом возник второй скандал. Послы требовали присяги на обоих экземплярах грамоты, а Стефан хотел изловчиться и присягнуть только на литовском (в котором не было написано неприемлемого для Речи Посполитой титула русского царя). Паны пытались возражать послам: ведь содержание грамот практически одинаково, какая разница, на каком экземпляре присягать — но Елецкий принес русский экземпляр и лично подсунул его под крест, правда, при этом оставив литовский список сверху. Согласно литовскому отчету о переговорах, хитрость не помогла: Баторий заявил, что присягает только о перемирии на 10 лет, но отказывается присягать, подтверждая титулы Ивана IV, *«того в присягу свою не вкладает»*. В русском отчете о переговорах этот эпизод опущен, и выходило, будто бы Елецкий заставил Стефана присягнуть на грамоте с царским титулом.

Стефан положил на крест два перста, Карнковский читал Евангелие, после чего король *«целовал губами в сам крест»*, что послы ревниво проследили, заглядывая прямо в лицо монарху. Волович передал грамоту посла, все сели, дипломатам объявили об отпуске и они вышли. 25 октября посольство Елецкого выехало из Варшавы на Русь.

Если на этом этапе отношения России с Речью Посполитой были временно урегулированы, то оставался еще один противник, который и извлек для себя наибольшую выгоду из балтийских войн второй половины XVI в. — Швеция. Ни ей, ни России не хотелось дальше воевать. Надо было договариваться и документально закреплять сферы влияния в Прибалтике. Первые переговоры между московскими и шведскими дипломатами состоялись в мае 1583 г. На них было заключено двухмесячное перемирие и выражена готовность к проведению более

крупномасштабных переговоров. Последние состоялись в августе на р. Плюссе. От Швеции в них участвовали Понтус Делагарди и Клаус Тотт, от России — князь И. С. Лобанов-Ростовский, думный дворянин И. П. Татищев и дьяк Д. Петелин. Поскольку ни о территориальном разделе, ни об обмене пленными договориться не удалось, то стороны решили не затягивать решение вопроса и просто отложили его, заключив перемирие на три года. В декабре 1585 г. оно будет продлено еще на три года.

«Война закончена» — «Война продолжается»!

Жизнь русско-литовского пограничья и эвакуация русских войск из Ливонии в 1580-е гг.

В 1582–1583 гг. Речь Посполитая и Россия постепенно входили в колею мирных взаимоотношений. С 13 сентября по 25 октября 1582 г. проводилось размежевание русско-литовской границы на съезде судей под Смоленском. С русской стороны в нем участвовали В. В. Мосальский, З. Хлопов и дьяк Б. Огарков. Начался обмен посольскими миссиями, не связанными с войной — так, с 21 января по 22 февраля 1583 г. в Москве побывал королевский гонец Миколай Бурба, который, помимо известия о прибытии литовских панов, Яна Глебовича и Михаила Гарабурды на границу для размена пленными через четыре недели после Крещения, привез жалобу вполне мирного времени: на «шкоды» московского казначея П. Головина над литовскими купцами. Казначей якобы задерживал товары, брал их «к *государевой казне*» и подолгу не возвращал.

Россия отреагировала на жалобы своеобразно: по ним были «*пытаны люди*», которые под пыткой показали, что купцы лгут. Дьяк Щелкалов предъявил пытаных Бурбе, заявил, что «*на дыбе не врут*», поэтому лжецами были объявлены литовские купцы. Со своими товарами ими пришлось проститься. Дьяк заявил, что купцы челобитную «*подали спьяну*», мол, пропили товар, а теперь пытаются свалить на казначея Головина. Иван IV отправил Баторию грамоту с результатами нескольких «*сысков*» по заявлениям купцов о пропавших товарах, которые оказались ложными и клеветническими.

С другой стороны, в России не ощущали окончания войны — непрекращающееся военное противостояние с Литвой, длившееся вот

уже почти столетие (с начала первой порубежной войны в 1487 г.) с небольшими перемириями сформировало воинственную психологию пограничных жителей. Подписание перемирия на самом деле не означало окончания боевых действий. Помирились царь с королем. Для непосредственных участников столкновений — русских и литовских дворян, жителей литовских, русских и ливонских городов война продолжалась. Ведь свои противоречия на время урегулировали высшие государственные власти, поделившие территории и сферы влияния. Совсем иначе ситуация выглядела для пограничных жителей, давно соперничающих за порубежные земли. Для них более важным, чем «далекие и высокие» государевы грамоты, были собственные захваты земель, тем более что центральная власть смотрела на такие действия сквозь пальцы и даже негласно поощряла их.

Русская армия впервые в истории покидала захваченные ей владения, не отступая в бою, но выполняя мирные договоренности. Опыта эвакуации не было. Московиты стремились увезти с собой все, что можно, а литовцы и ливонцы спешили максимально этому помешать. Аналогичная ситуация, только с переменой действующих лиц, происходила в оставляемых рейтарами и жолнерами русских городах. Естественно, все это приводило к многочисленным стычкам в пограничье, которые и составили историю вроде бы уже мирных лет — 1582–1584 гг.

После 20 марта 1582 г. в Литву отправился гонец М. Протопопов, который вез «обидную грамоту», в которой перечислялись нарушения литовцами условий перемирия. С Протоповым была отправлена грамота к Стефану от А. Поссевино от 4 марта 1582 г., который требовал от короля исполнения условий соглашения. А нарушений, действительно, было множество.

25 января 1582 г. отряды В. Чарторыйского и Б. Шинковского разорили смоленские и дорогобужские места. 5 февраля из Кричева, Пропойска и Чичерска и Бобрческa отряды под командованием Яна Оршевского совместным нападением разорили Северские места и сожгли Брянск. В плен попал брянский воевода Иван Лыков. Из Юрьева В. П. Головин писал, что литовцы не дают вывозить из города иконы, церковную утварь и артиллерию. В псковских деревнях в марте 1582 г. еще всюю хозяйничали литовские войска, творившие над жителями насилие и угонявшие их в Литву. 13 февраля отряд Речи Посполитой напал на г. Выборец

и выжег окрестные деревни. Воевода Богдан Глинский не желал отдавать Великих Лук, и, напротив, из этой крепости ходил войной по Великолуцкому и Холмскому уездам. В Заволочынском и Ржевском уездах грабил русские села отряд под командованием М. Сарыхозина, бывшего перебежчика. В марте черниговский воевода И. А. Долгорукий сообщал, что литовцы из Лоевой Горы нападали на новгород-северские, почапские, черниговские места. За ними была послана погоня, которая отбила полон и заодно сожгла замок Лоеву гору.

Подобная ситуация, возможно, была вызвана либо отсутствием на местах информации, что *«царь с королем замирился»*, либо, что более вероятно, местным воеводам было «удобно» считать эту информацию малодостоверной. Во всяком случае, как явствует из переписки черниговского воеводы И. А. Долгорукова с любечским державцем и стародубского воеводы И. Мезецкого с державцем г. Чичерска, в ответ на призывы московских военачальников к миру литовцы отвечали, что не получали от короля никаких распоряжений, и с энтузиазмом продолжали громить русское пограничье.

Русская сторона на переговорах под Запольским ямом предложила следующий график вывода войск из Ливонии. Дворяне В. Петров и И. Милюков должны были сперва вывезти орудия и гарнизоны из Пернова, Феллина, Пайды, Тарваста, Лаиса и Оберпалена в Юрьев. Собранный в Юрьеве Ливонском огромный обоз затем следовало выводить в Псков. Соответственно, литовцы должны были постепенно занимать дальние города, а в Юрьев войти последним. Русская армия должна была покинуть Ливонию к 4 марта 1582 г. На вывод гарнизона из города в среднем давалась неделя. Такие же условия касались литовских отрядов, выводимых из Лук, Невеля, Заволочья, Холма и псковских пригородов.

22 августа отряд литовцев в 700 человек под командованием ротмистров Яна Горлинского, Никиты, Григория и Александра Буевских напал на поместья Лариона и Демьяна Извековых, Никиты Секерина и Семена Монастырева в с. Огрызково в Великолуцком уезде с целью своза крестьян. 11 сентября 1582 г. наместник Торопца И. С. Туренин сообщил, что литовцы ставят город на устье р. Межи, явочным порядком захватывают земли, *«тянущие»* к Торопецкому уезду, называя эти земли *«велижскими»*. Свезенными из поместий вышеупомянутых

детей боярских крестьянами как раз и заселяют устье р. Межи. Литовские заставы берут пошлину с русских торговцев, ездящих из Смоленска к Великим Лукам и Торопцу. Виновником всех этих безобразий Туренин называл витебского воеводу Станислава Паца. В том же сентябре под Смоленском литовские отряды разоряли Порецкий уезд и Шучейскую волость.

Иван IV вслед посольству Д.П. Елецкого отправил к Стефану гонца Л. Хрущова с наказом выразить протест против самовольства литовских дворян. Однако инструкции Хрущову демонстрировали: царь Иван утратил интерес к войне со Стефаном, а защищать своих подданных он не был намерен. Хрущов должен был громогласно потребовать сноса города на р. Меже, а сыну боярскому Б. Совину следовало съездить туда и проверить, выполнено ли требование Москвы. При этом предписывалось угрожать разрывом перемирия. Однако, если литовская сторона заупрямится, то довести дело чуть ли не до отправки посольства Елецкого домой без подтверждения перемирия, и тогда уступить часть Торопецкого уезда — сперва 10 верст, потом еще, и такими уступками можно дойти до 100 верст. Если не хватит и этого — отдать все земли по р. Двину, и если даже такой жест не насытит аппетиты панов — отдать все, что требуют. Казалось, что царю уже все равно, чем закончится война, и он был готов поступиться всем, лишь бы больше о ней не слышать...

В свою очередь, Стефан Баторий был бы рад усмирить пограничных панов (во всяком случае, выходящие в это время королевские грамоты это демонстрируют). Но у него плохо получалось. Подданные открыто саботировали приказы монарха. Стефан велел до 1 января 1583 г. разрушить крепость на устье р. Межи. Никто выполнять это распоряжение и не собирался. Летом 1583 г. русская сторона продолжала жаловаться на продолжающиеся набеги литовцев в торопецких, луцких, невельских местах.

Это получило отражение в документах посольства Б.Б. Воейкова, принятом Стефаном в июне 1583 г. Гонец передал грамоту Ивана IV от апреля того же года, в которой подробно (вплоть до перечисления рыболовных сетей, отнятых литовцами у русских рыбаков) перечислялись «шкоды», происходившие в спорном регионе. Город на р. Меже к лету 1583 г. все еще не был разрушен. 6 июня 60 человек литовцев под

Озерищем ночью вторглись в Невельский уезд, в Никольскую волость, прошлись войной по 5 деревням, угнали 10 крестьян и свели в Озерище. При этом нападавшие называли *«нашу землю невельскую своей озерищенской»*, и утверждали, что *«Стефан приказал той землей владеть»*. В тот же день из Усвята отряд Ромашки Серебренника да Парфена Кокозшастова разбойничал в Плавецкой волости Великолуцкого уезда, разгромил погост Маковище, свел три крестьянские семьи. Опять пострадало с. Огрызково, которое было разграблено, и из него в Велиж вновь свели помещичьих крестьян. 7 июня отряд из 40 литовцев громил Чапогский стан Невельского уезда, *«пограбил животы и хлеб»* в семи деревнях, свел 20 крестьян в полон.

Лишь в августе 1583 г. Баторий сообщил, что город на р. Меже по его приказанию *«точно» «розметан»* (судя по дальнейшим событиям, король вновь либо соврал, либо был не в курсе). Одновременно король предложил 8 сентября съехаться на рубеже судьям для решения спорных вопросов о границах Велижской земли. Теперь уже московские дворяне обвинялись королем в нападениях на Микулинскую волость, Усвят, Велиж, нападения на ливонские села и города и литовские войска в Ливонии.

17 сентября 1583 г. состоялось заседание царя с Боярской думой *«о луцких, торопецких и невельских задорах»*. Центральная власть наконец-то вмешалась в региональный конфликт, потому что он грозил перерасти в новую войну. На рубеж для его охраны отправились 2000 детей боярских и стрельцов под командованием Д. П. Елецкого. Русская сторона инициировала переговоры о мире на местном уровне, послав к Витебскому воеводе Ст. Пацу гонца Ивана Тархова от Н. Р. Юрьева, наместника Новгорода Великого (которому юридически подчинялись данные районы русского пограничья), а также оруженничего Б. Я. Бельского, наместника ржевского, и дьяка А. Щелкалова.

Предметом спора были несколько сел и деревень: Тимофеевское, Окулино, Афанасьевское, Огрызково и др. С. Пац утверждал, что они относятся к Велижской земле, то есть к территории Речи Посполитой, а вовсе не к Луцкому или Торопецкому уездам, как считает русская сторона. Многочисленные стычки русских и литовских дворян не выявили перевеса ни одной из сторон. Прибытие на театр действий войск под командованием Д. П. Елецкого переломило ситуацию: теперь

стрельцы и дети боярские хозяйничали по литовским селам и сводили мужиков обратно в русские. С. Огрызково к этому времени, видимо, целиком было захвачено литовцами, так как основной погром, учиненный Елецким, пришелся на это село. Пац апеллировал к Баторию, но тому в это время было не до мелких пограничных конфликтов. При Иване IV велижский конфликт так и остался неразрешенным. В декабре 1583 г. — феврале 1584 г. с жалобами на действия Ст. Паца в Литву ездил А. Хрущов, который не привез никаких четких ответов. Эта проблема осталась в наследство следующему царю, Федору Ивановичу.

Последние аккорды: Русско-шведская война 1589–1595 гг.

Обстановка в Прибалтике после окончания «*Баториевой войны*» была нестабильной. Эвакуация русских войск проходила со скрипом, а приход поляков и литовцев выглядел вовсе не освобождением, а новой оккупацией. Взаимное раздражение сторон чуть не вылилось в новую войну. На переговорах в Гродно московского посольства Ф.М. Троекурова, Ф.А. Писемского и Д. Петелина с панамы рады со стороны Стефана вновь зазвучали угрозы нападения на Россию. На это русские послы с достоинством ответили: «*Мы хотим мира, но если вы хотите войны, вы ее получите*». После возвращения Троекурова в Москву он заявил, что новая война с Речью Посполитой кажется неизбежной. 25 декабря 1586 г. была составлена «*роспись*» русских полков для похода против польского и, возможно, шведского короля.

Однако развитие событий пошло совсем неожиданным путем. 2 декабря в Гродно скончался Стефан Баторий. Наступило очередное польское бескорольевье. Уже в январе 1587 г. в Речь Посполитую выехали дьяки Е. Ржевский и З. Свиязев с предложением выдвинуть на престол царя Федора Ивановича. Как ни парадоксально, русская кандидатура и на этот раз нашла среди шляхты Великого княжества Литовского множество сторонников. Их план был прост: Федор имел репутацию недееспособного слабоумного правителя*, значит,

---

* Сегодня в историографии высказываются разные точки зрения на природу «недееспособности» Федора. Некоторые историки, например, Л.Е. Морозова (см. Морозова Л.Е. Два царя: Федор и Борис: Канун Смутного времени. М., 2006) считают ее мифом, легендой, и видят в Федоре Ивановиче вполне

безопасен, это не его отец Иван Грозный. Он бездетен и, судя по всему, таким и останется. Следовательно, рассуждали паны, на него можно будет влиять в стиле «генриховых артикулов», а после смерти Федора новый король будет избираться уже на совместный польско-литовско-московский престол. Так и произойдет присоединение России к Речи Посполитой. Хитрость панов победит там, где оказалось бессильно их оружие...

Русская же знать была уверена, что, несмотря на специфику Федора, она справится с любой ситуацией. И это Россия присоединит Речь Посполитую, а не наоборот. Были извлечены и уроки из поражения Ивана IV: теперь русская дипломатия не отделялась письмами и отправкой гонцов, а пыталась активно влиять на ситуацию. В июне 1587 г. на польский элекционный сейм выехало большое представительное посольство во главе с С. Д. Годуновым, родственником временщика Б. Ф. Годунова, фактического правителя России в то время.

Соперниками Федора выступали Максимилиан, брат императора Священной Римской империи Рудольфа II, и шведский принц Сигизмунд Ваза (сын короля Юхана и Катерины Ягеллонки). Максимилиана поддерживала польская знать во главе с магнатами Зборовскими, а за Сигизмунда — коронная шляхта с ее лидером коронным гетманом Яном Замойским. Исход выборов был решен как силой, так и торгом: Замойский разбил и взял в плен Максимилиана, а от России откупилась заключением секретного договора о перемирии на 15 лет — на такой долгий срок русско-литовские перемирия еще никогда не заключались. Королем стал Сигизмунд III Ваза.

полноценного правителя. Д. М. Володихин высказал мнение, что Федор был просто глубоко погружен в религиозную жизнь, не интересовался мирским, что современниками и потомками воспринималось как поведение, не соответствующее образу царя, который по определению должен заниматься политикой. Поэтому его и считали «слабоумным», «странным», «недееспособным», хотя его жизненные интересы и цели просто лежали в другой плоскости: *«...Его внешняя отгороженность от власти — свидетельство непрестанного духовного служения России»* (Володихин Д. М. Царь Федор Иванович. М., 2011). Так или иначе, медицинский диагноз Федору не ставился, и мы не можем судить о его психическом состоянии кроме как по показаниям источников XVI в. А они однозначно указывают на неучастие Федора в государственных делах, на сосредоточение власти у временщиков, среди которых постепенно выделился Борис Годунов.

Несмотря на провал кандидатуры Федора, итоги русской дипломатической миссии оказались успешными. Правительство Бориса Годунова рассчитывало напасть на Швецию и попытаться вернуть земли, потерянные в начале 1580-х гг. Но для этого надо было быть уверенным, что не повторится ситуация «*Баториевой войны*», что против России будет только Швеция, а не коалиция государств с наемниками, собранными со всей Европы, как было в предыдущую войну. 15-летнее перемирие такую гарантию давало.

Шведы же чувствовали себя в Прибалтике и Карелии, на землях Русского Севера вольготно, и покушались на соседние русские земли. В 1589 г. они громили Кандалакшскую волость и пытались сжечь Кандалакшский монастырь. В сентябре 1589 г. погромам и грабежу подверглись Керетская и Кемская волости. В декабре погиб Печенгский монастырь: шведский отряд истребил монахов и сжег постройки.

На переговорах, имевших место в 1580-е гг., шведы и слышать не хотели ни о каком разделе сфер влияния и обозначению четких границ между странами. Номинально, как это ни смешно звучит, между Россией и Швецией еще действовали нормы Ореховецкого мирного договора 1323 г.! Все остальные рубежи регулировались отдельными перемирными грамотами. Для Швеции это было выгодно: она фактически удерживала ту границу, которая сложилась в ходе ее завоеваний в Прибалтике, и, уклоняясь от переговоров, хотела оставить все, как есть. Терпеть это дальше для России было невозможно.

14 декабря в Великий Новгород во главе армии прибыл сам царь Федор Иванович. 18 января 1590 г. русские полки вошли в прибалтийские земли, оккупированные шведами. 27 января была взята первая крепость — Ямбург. 2 февраля войска обложили Нарву и Ивангород. Началась интенсивная бомбардировка. За ней 19 февраля 1590 г. последовал штурм Ивангорода. Но взять крепость, когда-то слишком добротную построенную по заказу Ивана III итальянскими мастерами, не удалось. Однако нападение имело психологический эффект: шведы сразу же запросили мирных переговоров.

Выполнение русскими дипломатами их миссии курировал лично фактический правитель России Борис Годунов. Шведы быстро поняли, что русские пришли в Прибалтику за землями, и с пустыми руками не уйдут. Поэтому они были готовы отдать обратно Ивангород

и, в крайнем случае, Копорье. Россия вытребовала еще и Ямбург. 25 февраля на этих условиях в лагере под Нарвой было подписано перемирие на один год. Россия получала обратно утерянные по Плюсскому перемирию 1583 г. Ивангород, Ям, Копорье и часть побережья Финского залива. Однако даже такой документ, вовсе не решавший вопросы русско-шведского противостояния в Прибалтике, не был одобрен в Стокгольме. Подписавший перемирие наместник Нарвы Карл Горн был казнен. Командующий шведскими войсками в Эстляндии Густав Банер попал в опалу за то, что вовремя не пришел на помощь Горну и не прогнал русских от Нарвы. Король приказал продолжить войну, не дожидаясь окончания срока перемирия.

Шведские отряды нанесли удар как раз по тем населенным пунктам, которые только что пришлось отдать. В ноябре 1590 г. состоялся штурм Ивангорода, но русский гарнизон выстоял. В декабре осаде подверглись Ямбург (переименованный обратно в Ям) и Копорье. Высланные на выручку русские полки под началом П. Н. Шереметева и В. Т. Долгорукова были разбиты.

Россия же нанесла контрудар только в октябре–ноябре 1592 г. Объектом нападения стала Южная Финляндия. Русские отряды прошли, громя на своем пути все живое, до Выборга и Або. Этот рейд вынудил Швецию в январе 1593 г. заключить двухгодичное перемирие.

Между тем, ситуация для России крайне осложнилась. Польский король Сигизмунд III Ваза в 1592 г. стал одновременно и шведским королем. И теперь неприкрыто грозил России возобновлением войны за Прибалтику, причем в самом неприятном варианте: против Москвы выступит военный союз Речи Посполитой и Швеции. Поэтому было необходимо заключить мир и временно поставить точку в затянувшихся балтийских войнах. 18 мая 1595 г. на Тявзинской мызе под Нарвой такой русско-шведский мир был подписан.

С шведской стороны в переговорах участвовали Стен Банер, Кристер Горн, Бран Бойе и Арвид Эрикссон. Русскую делегацию возглавляли окольный И. Туренин и боярин О. Пушкин. Стороны подписали «вечный мир» на следующих условиях: Россия вдобавок к отвоеванным Ивангороду, Яму и Копорью получает Корелу. Шведы признавали принадлежность к России Орешка и Ладоги. Взамен Россия признавала всю Северную Эстляндию законным владением шведской

короны. Предполагалось провести демаркацию, то есть установление пограничных знаков вдоль всей русско-шведской границы от Прибалтики до северных земель. Тем самым Тявзинский мир должен был на долгие годы разграничить сферы влияния Швеции и России, поделить между ними прибалтийские земли. Жизнь, правда, распорядилась иначе. Но это уже другая история. В XVI веке балтийские войны были закончены.

Литература

Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного // История внешней политики России. Конец XV–XVII век. — М., 1999. — С. 134–246.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. — М., 1986.

Королюк В. Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. — М., 1954.

Новодворский В. Борьба за Ливонию. Между Москвою и Речью Посполитою. 1570–1582 гг. — М., 2012 (переиздание, первое издание — СПб., 1904).

Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. — СПб., 2013.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. — М., 1999.